
ОГОНЁК
№ 4 ЯНВАРЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Горки Ленинские. Беседка в парке Дома-музея В. И. Ленина.
Фото Н. Туранова.

На первой странице обложки:
Спуск с горы.
Фото А. Бочинина.

На последней странице обложки: Индия. В дни народных празднеств в городе Коимбатуре.
Фото Дм. Бальтерманца.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 4 (1545)

20 ЯНВАРЯ 1957

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

П. Васильев.

В. И. ЛЕНИН БЕСЕДУЕТ С ДЕЛЕГАТАМИ РАБОЧИХ В КРЕМЛЕ

СЛАВА ПЕРЕДОВЫМ ТРУЖЕНИКАМ СЕЛЬ

Первый секретарь ЦК КПСС, Член Президиума Верховного Совета СССР Н. С. Хрущев вручает орден Ленина, которым награждена Узбекская ССР первому секретарю ЦК КП Узбекистана Н. А. Мухитдинову.

Фото А. Палехова (фототелеграф)

Радостная весть облетела все уголки советской земли: высокими наградами — орденами и медалями Советского Союза — удостоены за доблестный труд многие работники сельского хозяйства. За выдающиеся успехи, достигнутые в минувшем году, Президиум Верховного Совета СССР наградил более 110 тысяч человек. Пополнился славный отряд Героев Социалистического Труда: это почетное звание присвоено 462 передовикам. Наградами отмечены также ряд областей и краев Российской Федерации, Казахская, Узбекская, Таджикская, Киргизская и Туркменская республики.

В Ташкенте и Фрунзе заслуженную награду — орден Ленина — вручил представителям Узбекской ССР и Киргизской ССР член Президиума Верховного Совета СССР, Первый секретарь Центрального Комитета КПСС Н. С. Хрущев, а в Алма-Ате орден Ленина вручил представителям Казахской ССР Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов.

Орден Ленина передал Новосибирской области член Президиума Верховного Совета СССР А. А. Андреев.

С патриотической гордостью встречены в нашей стране сообщения о высоких наградах. Они свидетельствуют о героическом труде советских людей, о крепнущей дружбе народов, дальнейшем расцвете нашей многонациональной Родины.

В минувшем году колхозы и совхозы Российской Федерации дали стране более 2 миллиардов пудов зерна, то есть почти столько, сколько было заготовлено в 1953 году по всему Советскому Союзу. Казахская республика засыпала в закрома Родины зерна больше, чем было заготовлено в Казахстане до освоения целинных земель за 11 лет, вместе взятых, — миллиард пудов. Колхозы и совхозы Узбекистана сдали государству 2 миллиона 860 тысяч тонн хлопка — количество, которое республика еще никогда не сдавала.

Значительны успехи также и в других республиках, краях и областях.

Хорошо потрудились не только хлеборобы и хлопкоробы, но и животноводы и работники других отраслей сельского хозяйства.

Эти огромные достижения говорят о великой жизненной силе советского строя, о торжестве ленинской национальной политики, открывшей всем народам нашей страны безграничные возможности в развитии экономики и культуры.

Слава передовым труженикам сельского хозяйства!

Совместное заседание Верховного Совета, Совета Министров Казахской ССР и ЦК КП Казахстана, посвященное вручению республике ордена Ленина. Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов передает орден Председателю Президиума Верховного Совета Казахской ССР Ж. А. Ташеневу.

Фото И. Будневича и Н. Степанова.

Член Президиума Верховного Совета СССР А. А. Андреев передает орден Ленина, которым награждена Новосибирская область, первому секретарю обкома КПСС Б. И. Дерюгину (слева) и председателю облисполкома Н. И. Жуковскому.

Фото В. Лещинского (ТАСС).

СКОГО ХОЗЯЙСТВА !

АКАДЕМИК СВОЕГО ДЕЛА

Трижды Герой Социалистического Труда Хамракул Турсункулов беседует с бригадирами колхоза. Фото Г. Зельма.

Прославленный мастер хлопководства, председатель колхоза имени Кагановича, Ташкентской области, Узбекской ССР, Хамракул Турсункулов удостоен чести быть первым на селе трижды Героем Социалистического Труда.

Бывший батрак из кишлака Буадиль, вблизи Ферганы. Участник борьбы с басмачеством в период становления Советской власти в Средней Азии. Один из руководителей «Союза бедняков» и организаторов колхозного движения в Ферганской долине в последующие годы. Бессменный председатель колхоза в течение двадцати с лишним лет. Вот, собственно, и все, что обычно сообщает о себе Турсункулов в автобиографических справках. На самом же деле жизнь этого человека необычна.

В 1935 году Х. Турсункулов впервые увидел местность Шуралисай, ставшую его второй родиной. Здесь находился безвестный колхоз, собиравший с небольшой площади ничтожный урожай хлопка: по 5 центнеров с гектара. Колхозники избрали потомственного ферганского батрака своим председателем. Иные думали, что он, как и прежние председатели, пробудет не больше года. Но случилось иначе: новый руководитель колхоза имени Кагановича взялся за дело основательно и решил остаться в Шуралисае навсегда.

Почти все надо было начинать сначала: расчищать земельные угодья от зарослей, укрупнять поля, проводить ирригационную сеть, строить жилье, а главное, организовать людей на дружный совместный труд.

Прошло несколько лет, и колхоз стал неузнаваем. Он научился выращивать самые высокие в республике урожаи, стал получать от производства хлопка большие доходы.

В разное время произошло в Шуралисае объединение шести артелей. В 1952 году к укрупненному колхозу, который возглавляет Х. Турсункулов, присоединился последний отстающий колхоз. В первый же год урожайность хлопчатника на землях этого колхоза была поднята с 11 до 26,5 центнера с гектара. И так во всех случаях.

Возник и разросся благоустроенный поселок. Каждая колхозная семья обзавелась хорошим домом с надворными постройками. В поселке имеются полная средняя, две семилетние и начальная школы, больница, родильный дом, детские ясли, клуб, электричество, радно. Украшают поселок большой сад, виноградники, высокие тополя вдоль улиц.

Теперь колхоз имени Кагановича — крупнейшее предприятие по производству хлопка. В 1956 году посевная площадь хлопчатника достигла 1 644 гектаров, и с каждого гектара сдано государству 36,5 центнера хлопка-сырца.

Кроме хлопка, колхоз сдает государству большое количество мяса, шерсти, шелковичных коконов, фруктов и в любой год — полностью и по всем видам — выполняет свои обязательства перед государством.

Хлопчатник любит не только солнце и воду, но и заботливый уход. Не много найдется хлопкоробов-практиков, да и ученых, кто бы мог потягаться с Турсункуловым в знании особенностей этого растения. Он безошибочно выбирает лучшие сроки сева, точно знает, когда и в каком количестве нужно дать подкормку, произвести полив. Свой опыт он передает бригадирам, звеньевым и рядовым колхозникам.

Одним из первых в Узбекистане Турсункулов применил квадратно-гнездовой способ сева хлопчатника, что дало возможность широко внедрить механизированную обработку посевов вдоль и поперек поля, резко уменьшить затраты ручного труда.

Осенью 1954 года товарищ Н. С. Хрущев, выступая в Ташкенте на совещании работников хлопководства, дал высокую оценку мастерству и новаторству Хамракула Турсункулова. Он назвал его «академиком своего дела» и сказал:

— Меня очень обрадовало, когда я увидел в товарище Турсункулове человека новаторской складки, смело подхватывающего передовое, прогрессивное... Он понял всю ценность нового метода и пошел на это дело широким фронтом.

На эту оценку своего труда знатный хлопкороб ответил еще более энергичной творческой работой.

Хамракулу Турсункулову исполнилось 65 лет, но он неутомим и напряженную работу по управлению большим колхозом сочетает с разносторонней общественно-политической деятельностью: часто бывает в других колхозах и районах для распространения лучшего опыта, выступает на колхозных слетах, в печати, по радио. Он депутат Верховного Совета СССР ряда созывов и с исключительной добросовестностью выполняет свои депутатские обязанности.

В. ПОПОВ

Семья В. Лещенко заняла одно из помещений «Главметаллсбыта». Здесь идет ремонт. Фото Н. Козловского.

Там, где были учреждения

На дверях объявление: «Киевская контора «Главметаллсбыт» переехала на улицу Ворошилова, 26». Рядом, на каменной стене, еще висит под стеклом массивная красная вывеска треста «Киевтопливо». Но этого треста здесь тоже нет. Этажи, которые они занимали, предоставлены жильцам. Переоборудование уже началось. Как раз сейчас здесь работает бригада Николая Коваленко из ремстройтреста Сталинского района. В короткое время строителям придется сделать многое.

Мы заходим в помещение бывшей конторы «Главметаллсбыта». Коридорная система. Комнаты просторные, светлые. На этаже будут жить десять семейств. Одни жильцы уже перебрались, других пока задерживает ремонт. Угловые комнаты переделываются под кухни, ванные. В коридоре стоят в ожидании новые газовые плиты. Жильцы сами готовы помочь, чтоб ускорить дело.

Как бы там ни было, а настроение у новоселов хорошее. Будущие соседки знакомятся друг с другом. Николай Константинович Иваницкий, мастер гаража трамвайно-троллейбусного управления, приглашает посмотреть свою новую квартиру. Комната уютная, ремонт сделал своими силами. Уже хлопочет по хозяйству жена Антонина Семеновна, ей помогает маленькая Света.

— Место прекрасное, в центре города, лучше и желать нельзя,— говорит Николай Константинович,— но мучает одно дело: надо ускорить оборудование кухни.

Рядом с Иваницкими поселилась семья Василия Тихоновича Лещенко. Глава семьи работает участковым фельдшером в районной поликлинике. Его жена — тоже фельдшер. Сын — слесарь, старшая дочь учится в школе, а малышке Оле два года. В большой комнате Лещенко еще идет ремонт, так что переезд несколько задерживается; новоселье состоится в ближайшем будущем.

На этаже, где размещался трест «Киевтопливо», мы познакомились с семьей электросварщика завода «Большевик» Николая Ивановича Драпиковского, поселившейся в помещении бывшей трестовской бухгалтерии. У Драпиковских двое детишек. Жена, Анна Филипповна, рада удачному стечению обстоятельств: комната большая, подниматься по лестнице невысоко, а напротив дома, через дорогу, знаменитый Золотоворотский сквер, детям там раздолье.

То, что происходит в этом здании, можно видеть и в других местах Киева. Восемь больших комнат освободилось в доме по улице Коминтерна. Они были заняты Главным управлением медицинской промышленности, а теперь здесь хозяева — жильцы. Переехал на новое место и Институт гидрологии и гидротехники Академии наук УССР, занимавший красивый особняк по улице Артема, а квартиры тут получили рабочие и служащие различных предприятий. Освободил десять комнат общей площадью 230 квадратных метров «Укртабакмахортрест». Здесь поселилось девять семей. Семь комнат отдал Госарбитраж.

Мы рассказали лишь об одном из мероприятий, направленных на улучшение жилищных условий киевлян.

В Киеве идет огромное жилищное строительство. Достаточно сказать, что в послевоенное время введено в эксплуатацию 1 800 тысяч квадратных метров жилой площади. В этом году жилищное строительство по сравнению с прошлым годом возрастает вдвое.

Найдены и иные резервы увеличения жилого фонда. Проверка показала, что многие учреждения и организации Киева занимают чересчур просторные помещения. Излишки площади отдаются под квартиры. Кроме того, будут освобождаться жилые дома, занятые учреждениями.

Уже переселено и рационально размещено около ста учреждений. Это дало возможность использовать под жилье свыше 13 тысяч квадратных метров площади.

В. ШУМОВ

Там, где помещалась бухгалтерия «Киевтоплива», теперь живет семья электросварщика Н. Драпиковского.

Стрела стратосферы

Е. РЯБЧИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Редакция журнала «Огонек» командировала меня в полет по первой в мире реактивной пассажирской трассе. И вот я в стобашенной, чарующе прекрасной златой Праге.

Из Праги регулярно летают самолеты в Брно, Братиславу, Готвальдов, Остраву и другие города республики. В то же время на Прагу держат курс самолеты из СССР, Франции, Англии, Югославии, Швеции, Польши, Румынии — со многими странами Чехословакия связана авиационными трассами.

— Прага стала теперь первым аэропортом в мире, где начинается реактивная пассажирская линия в Китай,— говорит начальник Центрального управления Чехословацкого гражданского флота Вацлав Стейскал.— Появление «ТУ-104» открыло перед нами большие перспективы. Сейчас многие пассажиры из Западной Европы отдают предпочтение полету в Китай на реактивном комфортабельном «ТУ-104». Движение организовано так, что пассажиры из Франции и других стран прибывают в Прагу на «стыковку» — на встречу с «ТУ-104» перед самым его прилетом. Пассажиры переходят из кабин самолетов «Эр Франс» в кабину «ТУ-104» и продолжают полет на восток. Если «реактивная трасса» Прага—Москва—Пекин продлится до Токио, то наплыв пассажиров будет настолько значительным, что Прага с ее удачным географическим расположением станет крупнейшим воздушным центром Европы. Для приема новейших советских реактивных пассажирских самолетов необходимо будет построить огромный межконтинентальный аэропорт.

На пражскую «стыковку» слетаются самолеты из разных стран.

В условленное авиационными компаниями время слетаются в Прагу на «стыковку» с «ТУ-104» самолеты из разных стран. Диктор объявляет по-чешски, по-русски и по-французски: «Садится «ТУ-104». Залы пустеют. Все спешат на перрон. Длинный серебристый лайнер со стреловидными ребристыми крыльями описывает, словно прицеливаясь, круг над бетонными полями аэропорта. Вот он бежит по земле, разворачивается, трубным гласом оповещая о своем прибытии. Водители автокаров подхватывают на буксир высокие трехъярусные трапы и влекут их к остановившемуся реактивному гиганту. С глухим гулом открываются дверцы герметических кабин. Начинается обмен пассажирами: одни пересаживаются из «ТУ-104» в корабли, отбывающие в Париж, Стокгольм, Лондон и Белград, другие занимают освободившиеся места в комфортабельных салонах «стратосферной стрелы».

Борт-проводницы встречают гостей, помогают им расположиться в креслах. Забот много. Из Парижа прилетел владелец фабрики кожевенной галантереи китаец господин Тенг с семьей. Он летит в Шанхай, к родным, с женой, француженкой Жоржиной, и погодками: самостоятельно ползающим Лайонелем, дочуркой Роз-Мари и совсем солидным Рейналем. Детей нужно поудобнее устроить, приготовить им сиропы и молоко. Пассажирский салон заполняют пятнадцать парижских студентов, направляющихся в Пекин. Глава делегации Клод Россиньоль успокаивает шумную и веселую студенческую компанию. По салонам проходят представители французской авиационной компании «Эр Франс» — черноголовый солидный инспектор господин Луи Анри и пепельно-серый, с узким лицом, узкими усиками господин Илья Иванович Толстой.

Тем временем командир реактивного лайнера Николай Александрович Усанов и штурман Борис Владимирович Белов идут в порт, поднимаются по узкой металлической лестнице на второй этаж аэровокзала к представителю Аэрофлота И. С. Шуину.

— Какая погода сейчас в Пекине? — спрашивают они.

До Пекина от Праги 10 тысяч километров. На пути высокие горы и многоводные реки, неоглядные степные просторы и дремучая тайга. Крайние точки авиационной дороги разделяют семь поясов времени. Далеко, очень далеко! Но летчиков все же интересует погода в Пекине, будто они намереваются сейчас же очутиться в столице Китая.

Командир «стрелы» Н. А. Усанов.

...Двери герметических кабин «ТУ-104» захлопнуты. Пограничники, таможенники и дежурные авиаспециалисты отходят от корабля. Слышится тяжелый вздох.

«ТУ» легко разворачивается на месте. Семидесятитонная громада обнаруживает легкость, подвижность и изящество. Корабль скользит по бетонным лентам, выбирает старт и, дрожа от нетерпения всем телом, выжидает команду.

Раздается что-то похожее на взрыв. Грохот смешан с комариным гудением, колокольным звоном и шелковым шелестом. Массивные колесные тележки, на которых покоится самолет, трогаются с места и вот уже бегут со скоростью курьерского поезда. Мгновение — и они отрываются от бетона, переворачиваются вверх колесами и стальными штоками запихиваются внутрь самолетного чрева. Теперь «ТУ» — гладкая, сверкающая «стрела стратосферы». Земная перспектива каруселит, встает торчком. Стюардессы разносят подносики с леденцами — во время стремительного набора высоты пассажиры могут глотательными движениями разогнать неприятные ощущения в ушах и во рту.

Влтава... Карлов Мост... Где они? Облака закрывают Прагу. Исче-

зают древние Градчаны. Густая дымчатая мгла заполняет иллюминаторы. Миг — и в салоны врывается солнце. Высота 9 тысяч метров. За бортом арктический мороз — минус 53 градуса. Пассажиры располагаются в креслах, а борт-проводница Елена Жемчужная объявляет по-русски и по-французски:

— Граждане пассажиры, мы пролетели Чехословакию.

— Так скоро? — удивляется французский студент Ренуар.

— Пролетели Польшу,— вскоре добавляет Елена Жемчужная.— Пролетели Литву... Пролетели Белоруссию... Кто выходит в Москве, прошу позавтракать и приготовиться.

...Луи Анри и Илья Толстой летят из Парижа в Москву решать в Аэрофлоте некоторые технические и организационные вопросы, связанные с «европейской стыковкой».

— Я правнук Льва Николаевича Толстого,— представляется Илья Иванович Толстой.— Работаю в авиакомпании «Эр Франс», в ее отделении во Франкфурте-на-Майне. Что вам сказать о «ТУ-104»? Замечательный самолет! Комфорт. Спокойствие. Быстрота. Чудо техники. Большое достижение.

— Вы бывали в Москве?

— Нет, в первый раз.

— Вы, конечно, посетите памятные места, связанные с жизнью и деятельностью вашего великого прадеда?

— Видите ли, сейчас я очень спешу, у нас с Луи Анри важные и срочные дела, и мне нужно скорее вернуться во Франкфурт, в нашу контору, — торопливо отвечает Илья Иванович Толстой. — Я уж не знаю, успею ли где побывать... Придется спешить. Важное дело. Нужно успевать за вашим «ТУ».

На этом интервью обрывается: самолет идет на посадку. Внизу излучина Москвы-реки, Центральный стадион имени В. И. Ленина, Дворец науки...

...Парижские студенты сбегают по широкому трапу, лепят снежки, потирают уши от мороза: вот это зима! Представителей «Эр Франс» встречают коллеги по работе, живо обсуждают итоги полета, качества «Ту-104». На смену пассажирам, прибывшим в Москву, в самолет поднимаются китайские спортсмены, прилетевшие из Тираны, — их путь в Пекин. Несколько человек, волнуясь, добиваются мест на «ракету». Мест нет... Все билеты проданы на две недели вперед.

В толпе, заполнившей перрон, замечаю высокого, прямого, спортивно сложенного знаменитого летчика — Героя Советского Союза Михаила Михайловича Громова. Он кого-то встречает и, чуть щуря серые глаза, осматривает хорошо знакомый ему самолет.

— С русским морозом! — восклицает Клод Россиньоль.

— Через несколько часов вы будете в Пекине,— задумчиво говорит Громов.— А было время...

В 1925 году советское правительство организовало первый полет из Москвы в Пекин. Страна залечивала раны, нанесенные интервенцией, гражданской войной, голодом и разрухой. В ту пору молодая, только что народившаяся советская авиационная промышленность заявила о себе полным голосом — в Москве стартовали самолеты, держа путь в Китай. На советском самолете «Р-2» с мотором мощностью в 240 лошадиных сил летел М. М. Громов. Ни метеостанций, ни радио, ни оборудованных аэродромов... Не было даже точных карт.

Над Байкалом утлые самолеты попали в грозу. Дождь заливал кабины. Лететь пришлось бреющим полетом. Громов заблудился. Горы слева, горы справа, и впереди горы. Пилот нашел долину речки Слюдянки и по ней вывел из каменного лабиринта свою машину. А потом пустыня Гоби и снова горы... Прошло более месяца, покуда самолет «Р-2», пилотируемый М. М. Громовым, прибыл в Пекин.

— Мы принесли на своих крыльях привет и дружбу советских людей китайскому народу,— вспоминает Михаил Михайлович.— Пять недель тогда и несколько часов сегодня — такова диаграмма успехов нашей авиации.

...Объявляется посадка. Прощай, Москва!

Высота — 10 тысяч метров. За бортом 62 градуса холода. А в кабине тепло, уютно. Малыши спят. Студенты играют в шахматы, читают, пытаются что-нибудь увидеть сквозь толщу зимних туч.

— Пролетели Волгу. Пролетели Горький. Подходим к Уралу, — слышатся объявления.

Самолет поразительно устойчив. Капитан китайской футбольной команды, возвращающейся из Албании на родину, Лю Ин-лей достает сигарету и ставит ее торчком на столике. Сигарета стоит, не шелохнувшись, будто припаянная.

Внизу, в разрывах облаков, мелькают горы, реки, города. А в салонах «ракеты» обычная вагонная жизнь. Тамара Александровна Сидорова предлагает пассажирам фрукты. Она не обычная борт-проводница,— Тамара Александровна преподает летчикам в Москве английский язык, но сейчас, во время каникул, преподавательница решила совершить полет на «ракете» и добровольно взялась исполнять роль борт-проводницы. Вместе с Полиной Колесниковой подает она на подносиках хорошо сервированный обед. В это время из пилотской кабины выходит командир корабля Усанов и смущенно смотрит на Тамару Александровну. Дело в том, что Усанов учится в группе Сидоровой и не успел сдать зачета. Может быть, сейчас, в полете, она найдет время спросить его?

У окна в первом салоне сидит профессор Тяньцзиньского медицинского института Юй Ай-фун; у нее свои заботы: из Москвы она везет два желтых деревянных ящичка, издающих странные звуки. В ящичках белые мышки. Как они перенесут полет в стратосфере?

Несколько вопросов профессору Юй Ай-фун: долго ли была она в Москве, что видела, с кем встречалась?

— Первый раз в Москве я была три года назад,— рассказывает Юй Ай-фун.— Какие перемены! Многое построено. Я побывала во многих медицинских учреждениях Москвы, Ленинграда, Киева, имела беседу с президентом Академии медицинских наук А. Н. Бакулевым. Будет о чем рассказать мужу, тоже профессору Тяньцзиньского медицинского института.

Обед в стратосфере окончен. Борт-проводницы убирают подносики с тарелочками. Сидорова освобождается от хлопот и вот, примостившись около буфета, принимает зачет у командира корабля Усанова. Но ему не дают проэкзаменоваться: входит борт-инженер Иван Павлович Чернышев.

— Товарищ командир, подходим к Омску.

...В пилотской кабине темно, только фосфоресцируют стрелки приборов. В носовой части остекленной кабины расположился штурман Белов. Он то смотрит на экран радиолокатора и сквозь облака и мглу видит стремительно несущуюся землю, то действует логарифмической линейкой, то вчитывается в депеши, принятые корабельной радиостанцией. Справа на высоком кресле второго летчика сидит Борис Александрович Панасенков. Рядом с ним занимает такое же высокое кресло Усанов. Он надевает наушники, включает командирскую рацию и связывается с омским диспетчером.

Луна высветила серебром облака. Мигают звезды, круто перемещаясь в темном небе: самолет описывает круг и ныряет в тучи. В чернильном мраке возникают цепочки алых, белых, зеленых и фиолетовых огней. Включены воздушные тормоза, выдвигаются из самолетного корпуса колесные тележки, скорость погашена, но именно сейчас, когда с поразительной быстротой надвигается земля, трепетно мелькают огни,

Представители авиакомпании «Эр Франс» Луи Анри (слева) и И. Толстой (в центре)

В креслах можно поспать.

Внизу — горы Китая.

Пекинские студенты встречают гостей из Парижа

ощущаешь скорость реактивного корабля. В скрещении прожекторов из ночи вырывается заиндевевшая бетонная полоса.

— Пришли раньше срока,— снимая наушники, говорит мне Усанов.— Обычно крейсерская скорость «ТУ-104» — более восьмисот километров, а сейчас, с попутным ветром, шли со скоростью почти тысяча километров в час.

— Граждане пассажиры! Омск! Мы в Сибири.

Белые горы. Тайга. Клубятся туманы над Ангарой. За Иркутском реку перерезает плотина. Ангара разливается перед ней морем. Но можно ли рассмотреть плотину, мост через Ангару, улицы Иркутска, если с ревом и свистом «ТУ-104» проносится над городом и садится на бетон!

Стоянка в Пекине два часа. Пора в обратный рейс!

Иркутск — воздушные ворота Китая. Надписи на русском и китайском языках. Звучит китайская речь.

— Теперь почти дома!— обрадованно говорит вратарь пекинской футбольной команды Цзен Суе-ли.

Дома-то дома, но какой мороз! Ртутный столбик сжался и опустился до деления 30 градусов. Французские студенты потирают уши. Бр-р-р... Холодно!..

Огромная цистерна бензозаправщика подкатывает к «ТУ-104». Мороз крепок, но наземный обслуживающий персонал работает четко и быстро. К «ТУ-104» в Иркутске уже привыкли.

...Снова свист и рев двигателей. Полет продолжается.

— Летим над Байкалом,— объявляет Сидорова.

— Где, где?.. — бросаются к иллюминаторам веселые и любознательные парижские студенты.

— Байкал уже позади, — объясняет по-английски и по-французски Тамара Александровна.— Нельзя мешкать. Внизу пустыня Гоби.

Пролетели Гоби. Взметнулись к небу горы. В снегах лежит каменная ящерица — хребет, поразительно похожий на ящерицу. Потом снега прорезает темная линия вала Чингис-хана, и от него начинаются побеленные зимой высокогорные поля. Они лепятся многоярусными террасами к каменным склонам, заполняют долины, льнут к недавно построенной железной дороге Пекин — Улан-Батор—Москва.

В ледяном ожерелье лежит озеро, а за ним темнеет бегущая до горизонта изломанная линия Великой китайской стены. Высота полета скрадывает ее масштабы и необычайность. Дыбятся хребты, и в морозной дымке открывается плоская долина с бескрайне раскинувшимся Пекином.

Самолет пролетает над древними пагодами и цехами новых заводов, над дворцами императоров и Дворцом советско-китайской дружбы. Шипят тормоза. На бетонной полосе остаются черные следы от прикосновения заторможенных колес. В аэропорте пекинские студенты ждут своих гостей — французских студентов; толпятся спортсмены, встречающие пекинских футболистов; стоят автокары с чемоданами пассажиров, через два часа улетающих из Китая в Москву, Прагу и Париж.

Вот и все. Рейс окончен. Усанов листает бортжурнал.

— Десять тысяч километров пролетели с тремя посадками — в Москве, Омске и Иркутске — за двенадцать часов двадцать пять минут.

...На улице Вечного спокойствия в Пекине, в Управлении гражданской авиации Китайской Народной Республики, я встречаюсь с заместителем начальника управления Ли Пином.

— 39 основных городов республики связаны авиационными линиями,— говорит Ли Пин.— Летчики помогают строителям, геологам, работникам сельского хозяйства, армии, ученым. Мы проводим в массовых масштабах борьбу с вредителями полей, патрулируем леса, защищая их от пожаров, перевозим врачей к больным, обследуем целинные земли, помогаем строителям выбирать трассы железных дорог, створы плотин и дамб на наших многоводных реках. Был такой случай: около Чунцина не могли пустить вовремя гидроэлектростанцию из-за задержки нужных деталей. Летчики доставили все необходимое, и станция дала ток. Каждый день самолеты развозят из Пекина в Шанхай, Чунцин, Куньмин, Сиань, Кантон матрицы, и жители отдаленных провинций читают центральные газеты в день их выхода.

Сейчас в нашей гражданской авиации,— замечает Ли Пин,— наступила важная и очень ответственная пора: к нам прибывают новейшие советские реактивные пассажирские самолеты «ТУ-104». Мы готовим китайских специалистов для их эксплуатации. В окрестностях Пекина строим большой аэропорт, способный в любое время принимать реактивные воздушные корабли. Если авиационная линия Прага — Москва — Пекин продлится до Токио, то, нет сомнения, она станет одной из самых популярных в мире и привлечет множество пассажиров. Новый первоклассный пекинский аэропорт позволит нормально вести полеты по этой трассе.

...Вернувшись в Москву, я обращаюсь в Главное управление гражданского воздушного флота Советского Союза.

— Первая в мире пассажирская авиационная трасса на «ТУ-104» работает нормально и уже стала обычной в нашей жизни,— сказали мне в Аэрофлоте.— Но это — только начало. В ближайшее время в небо поднимутся новые советские реактивные пассажирские самолеты конструкции Героя Социалистического Труда А. Н. Туполева, рассчитанные на 95—100 пассажиров и на 180 пассажиров. Кроме того, Аэрофлот получит новейшие реактивные пассажирские самолеты конструкции С. Ильюшина и О. Антонова. Машины большой грузоподъемности и большой скорости, летающие в стратосфере, потребуют значительного переоборудования многих существующих аэропортов, оснащения их современной аппаратурой и радиосвязью.

Сокращая до минимума время полета в Пекин и Прагу на новых советских самолетах, авиаторы помогут еще большему сближению народов дружественных социалистических стран, укреплению братских связей. Если зарубежные специалисты говорят о том, что советская гражданская авиация, обладая «ТУ-104», ушла вперед по сравнению с гражданской авиацией США, Англии и Франции на 2—3 года, то с появлением на трассах новейших самолетов разрыв во времени станет еще более значительным. Некоторые новейшие советские реактивные пассажирские самолеты будут летать без посадки в Пекин и Нью-Йорк. Но и это лишь заря эры аэропланов реактивных, той эры, о которой мечтал гениальный Циолковский, родоначальник мировой реактивной авиации.

ЛЕНИН В ПРАГЕ

Зинаида АЛЕКСАНДРОВА

Здесь Ленин был.
Вот в этом доме.
И в этом зале выступал...
По-деловому строг и скромен
Обставленный, как прежде, зал.

Здесь все осталось, как сначала,
Как было в дни январских встреч,
Когда взволнованно звучала
Родная ленинская речь.

И в ней была такая сила,
Была такая глубина,
Что всех большевиков сплотила
В единой партии она.

По этим узеньким ступеням
Тогда, в двенадцатом году,
Спускался торопливо Ленин,
Шутил и спорил на ходу.

И после духоты и спора,
Решив по-своему вопрос,
Он выходил на воздух, в город,
На пражский слабенький мороз.

Шел в легком драповом пальтишке
По площадям, через мосты,
Глядел на Град, на старый Жижков —
Кварталы чешской бедноты.

В рабочей Праге, вспоминая
Россию, родину свою,
Он знал, что будет жизнь иная
И там и здесь, в чужом краю.

На первый снег ложились тени,
Светили тускло фонари.
Январской ночью видел Ленин
Расцвет немеркнущей зари...

26 января — День провозглашения Индийской Республики

ДЛЯ ДРУЖБЫ НЕТ ГРАНИЦ

Заметки туриста

М. ЛЮБЕЦКИС

В деревне Кхинд. Советские туристы — литовские писатели А. Венцлова и А. Гудайтис-Гузявичус беседуют с учителем Ананда Двиел Шида.

На Вадгаонскую рисовую селекционную станцию мы выехали около полудня.

Недавно кончился сезон дождей, продолжавшийся три месяца, началась зима. В Индии это период, когда природа оживает после сжигающего летнего зноя и беспрерывных осенних дождей. Поднимаются зеленые стебельки риса, густеют леса сахарного тростника...

Но зима зимой, а для нас жара была нестерпимой. Открываем все окна машины. Наш гид смеется:

— Летом вы бы не стали делать этого. Струя накаленного воздуха обожгла бы вас, как языки пламени..

В сопровождении суперинтендента селекционной станции г-на Хаугуле осматриваем опытные участки.

Станция создана в 1940 году. Элитными семенами, выведенными здесь, снабжаются крестьяне, в первую очередь сельскохозяйственные кооперативные общества районов Сатары и Пуны. Станция имеет четырех буйволов, с их помощью 25 рабочих обрабатывают 60 акров земли.

Работами на полях руководят агроном, окончивший специальный колледж, и два его помощника. На один акр высевается 12 фунтов риса. В прошлом году семенами, выведенными на селекционной станции, было засеяно 1 600 акров крестьянской земли.

— Со всех участков, засеянных нашими семенами, был собран урожай на двадцать один — двадцать семь процентов выше, чем с соседних, где крестьяне использовали собственные, обычные семена,— не без гордости замечает г-н Хаугуле.

Климат здесь благоприятствует выращиванию риса. Даже в самые холодные ночи зимы температура воздуха не бывает ниже 20 градусов, а в мае превышает 40 градусов. На поливных землях снимают по два урожая в год.

— Государство не только расширяет за свой счет оросительную систему в нашем округе, но и предоставляет кредиты для развития деятельности станции,— говорит г-н Хаугуле.— Нам необходимо выбраться из отсталости в области сельского хозяйства.

В прошлом в годы засухи империалистические государства, пользуясь продовольственными затруднениями Индии, вынуждали ее в обмен на хлеб для голодного населения соглашаться на любые уступки, шедшие во вред жизненным интересам страны. Цены на импортное зерно были баснословными. Иное дело сейчас, когда между Индией и Советским Союзом, а также другими странами лагеря социализма установились и крепнут узы бескорыстной дружбы.

— Всем известно, — говорит г-н Хаугуле,—что Советский Союз экспортирует в Индию продовольственные и другие товары. Очень хорошие товары! И на хороших условиях.

...Наше внимание привлекают двое рабочих, разрыхляющих мотыгами землю. Они дружески улыбаются. Кто-то из них, не прерывая работы, кивает головой в сторону одного из опытных участков и тепло произносит:

— Руси!

А затем, указывая рукой на два молодых деревца, добавляет:

— Хрущев и Булганин!

Нам объясняют, что на этом опытном участке выращиваются образцы риса, присланные из советских среднеазиатских республик, а деревца во время своего пребывания здесь собственноручно посадили гости из Советского Союза — товарищи Н. С. Хрущев и Н. А. Булганин.

Деревца достигли полуметровой высоты. Каждый работник станции считает для себя за честь ухаживать за ними. Чтобы их не повредили случайно забредшие животные, стволы деревьев прикрыли бочками из-под гудрона. В жаркие дни, особенно в полдень, их закрывают тентом из белой материи.

— Пусть так же, как эти деревца, растет и крепнет дружба наших народов,— говорили рабочие, прощаясь с нами. — Руси, хинди — бхай-бхай!

Наш путь лежал теперь в сельскохозяйственный кооператив, находившийся в деревне Кхинд. Кооперативы в Индии — к концу второй пятилетки их количество должно достичь 10 тысяч,— конечно, не похожи на сельскохозяйственные кооперативы стран народной демократии или на наши колхозы. Тот, в который мы приехали, создан в 1954 году. Избран руководящий комитет, который назначает секретаря. Сейчас эти обязанности исполняет К. Кулькарт, прошедший соответствующую подготовку. За свою работу он получает месячное вознаграждение в сумме 60 рупий, что примерно равно заработной плате заводского рабочего средней квалификации. У секретаря имеется помощник. Вот и весь оплачиваемый штат.

— Вначале мы едва сумели уговорить восемь семей вступить в кооператив. А на следующий год число желающих утроилось. Сейчас из двухсот двадцати шести семей, живущих в деревне, в кооперативе состоят уже пятьдесят девять семей,— рассказывает нам К. Кулькарт.

Мы интересуемся, какие льготы получают крестьяне, вступая в кооператив.

— Всем членам кооператива на основании их заявлений выдается ссуда, главным образом для приобретения семян. Кредит отпускает сельскохозяйственный банк из расчета 6,5 процента. А раньше ростовщики брали двадцать четыре и больше процентов.

— А каков размер вступительного пая?

— Одна рупия. Мы являемся как бы акционерным обществом. Выпустили акции. Стоимость каждой из них—десять рупий. Их уже продано на две тысячи рупий. Кредит, предоставленный банком, превышает в восемь раз основной капитал кооператива, вырученный от продажи акций.

— А каков принцип распределения кредита между членами кооператива?

— В зависимости от имеющихся акций. Обычно каждый приобретает по две — три акции. В случае неурожая срок возвращения ссуды, выданной крестьянам, продлевается. Однако тогда годовой процент повышается до девяти.

— Все ли жители имеют собственную землю?

— Нет. Примерно десятая часть крестьян—это безземельные. Они занимаются домашним производством грубых тканей, работают на полях у других крестьян. У некоторых ведь по сто и даже по триста акров земли, без помощи им не справиться.

— Кооператив — дело выгодное для нас всех, — вступает в беседу крестьянин средних лет. — До города отсюда далеко, и не каждому удавалось своевременно продать свои продукты, вот их и скупали за бесценок купцы и ростовщики. Сейчас кооператив помогает сбывать продукты.

Разбившись на группы, мы посетили дома некоторых крестьян деревни Кхинд. Большинство мужчин было занято на полях и огородах,— кроме риса и джавара (один из видов проса), тут выращивают фрукты, картофель, овощи.

Крестьянские дома без окон, дневной свет пробивается сквозь небольшие отверстия в стенах. Полы глинобитные, мебели почти никакой. Наши спутники не стараются отвлечь наше внимание от этих хижин, в которых ютится деревенская беднота.

— Пусть все знают, — говорят они, — до какой нищеты довели колонизаторы Индию. Тем больше гордимся мы, что теперь собственными руками улучшаем свою жизнь.

Так же небогато, хотя несколько более благоустроенно, живет местный учитель языка маратхи Ананда Двиел Шида. Он долго рассказывает нам о житье-бытье в деревне.

— Народ у нас еще бедный, но честный и трудолюбивый, — говорит учитель. — Слова и понятия «сельскохозяйственный кооператив», «селекционная станция» — для них нечто новое, непонятное, но все же привлекающее своей явной полезностью. Крестьяне уже начинают верить в свои силы. Работают, и надежда на лучшую жизнь все больше крепнет у них. До недавнего времени, — продолжал учитель,— мы очень мало знали о Советском Союзе. После поездки господ Булганина и Хрущева в Индию и посещения нашим премьером Неру Советского Союза ваша страна стала очень популярной у нас. Теперь для нашей дружбы нет границ!

У одного из деревьев, посаженных товарищами Н. С. Хрущевым и Н. А. Булганиным во время посещения ими Вадгаонской селекционной станции.

ЖИЗНЬ ДЛЯ НАРОДА

Обычный дом, каких теперь становится все меньше, а раньше было много в купеческом Замоскворечье: невысокий, с крепкими, толстыми стенами, в которых окна сидят глубоко, как в нишах. Ничем внешне не примечателен этот дом, но знают его люди нескольких поколений. И кто подымался по истертым за десятилетия каменным ступеням, кто хоть раз был приглашен в большую комнату на втором этаже, по-настоящему был счастлив.

В окна смотрится тусклый зимний день. С потолка светят пять матовых кубов. Как ни велика комната, а в ней тесно. Тесно от книг. Книги, книги, книги... Книжным шкафам не хватает стен. Книги горками лежат на письменном столе и еще на другом — огромном, из потемневшего дуба, но о нем особая речь.

Встречает нас пожилой человек в скромной черной шапочке академика и сером костюме. Вы вглядываетесь в это благородное лицо с густыми нависшими бровями и серебристой бородкой клинышком, озаренное доброй улыбкой радушия и гостеприимства, и в памяти одна за другой, как кадры на киноэкране, всплывают вехи истории Коммунистической партии.

...Густой туман стелется над Невой, ползет по Невскому, волнами холодного воздуха врывается в дома. За столом, освещенным керосиновой лампой, собрались члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Рядом с Владимиром Ильичем — Глеб Максимилианович Кржижановский, молодой инженер, имя которого высечено на мраморной доске среди имен лучших воспитанников Технологического института. Он только что с особым отличием окончил институт и мог бы сделать блестящую научную карьеру. Но революционые идеи целиком завладели им.

...1896 год. Камера московских Бутырок. Сегодня обитатели тюрьмы должны быть отправлены в ссылку. И вдруг по всему коридору, по этажам понесся чеканный ритм «Варшавянки». Она впервые звучала по-русски. Пламенные слова для нее: «Вихри враждебные веют над нами» — только что сочинил один из заключенных, Глеб Кржижановский. Стражники бросились к камере, но не смогли ворваться: дверь удерживали изнутри. Как только песнь была окончена, камеру открыли, и началась сортировка для отправки в Сибирь.

...Село Шушенское, затерявшееся в безбрежных сибирских снегах. Сюда, к Владимиру Ильичу, из села Тесь на несколько дней вырвался Глеб Максимилианович. Позже об этой встрече Владимир Ильич писал, что «...Глеб уехал от меня 3-ьего дня, прожив 10 (десять) дней... я не заметил, как прошли эти десять дней... Здоровье Глеба у меня несколько поправилось... и он уехал очень ободренный».

...Бурный 1905 год. Глеб Максимилианович в Киеве, возглавляет забастовочный комитет Юго-Западных железных дорог, позже в Петербурге пишет статьи для большевистских газет...

С тех пор прошло более полувека. Сегодня именем Глеба Максимилиановича назван Энергетический институт Академии наук СССР, им созданный и им руководимый. С этим институтом связана вторая сторона деятельности этого замечательного человека.

Недюжинный организаторский талант ученого и инженера со всей силой развернулся в период создания «второй программы партии» — плана ГОЭЛРО.

— В те горячие дни, — вспоминает Глеб Максимилианович, — этот дом не имел жилого вида. В этой же самой комнате со старинным камином находилась контора «Электропередачи» — первой крупной станции, построенной на торфе.

От тех времен здесь сохранился стол, который сразу бросается в глаза при входе в комнату. Длинный и массивный, из дубовых, расположенных в шахматном порядке плиток, он грузно осел на квадратных резных ногах. Тогда он стоял не вдоль комнаты, а поперек ее.

За этим столом-великаном собирались виднейшие инженеры из тех двухсот специалистов, которые разрабатывали план ГОЭЛРО. Разложив карты и схемы, над этим столом склонялись А. В. Винтер, И. Г. Александров, М. А. Шателен, К. А. Круг и Г. О. Графтио. А вон на том стареньком «ундервуде», что, как музейный экспонат, стоит под металлическим колпаком у окна, Мария Васильевна Чашникова — секретарь, а сейчас старший референт — под диктовку Глеба Максимилиановича печатала страницы исторического документа.

Г. М. Кржижановский. 1898 год.

— А знаете ли вы, что за этим самым столом не однажды сиживал Владимир Ильич? — говорит Глеб Максимилианович.

Запросто приходила сюда и Надежда Константиновна.

Теперь понятно, почему так дорожит этим домом, этой квартирой, этой комнатой ее хозяин. Ведь здесь размещался, по существу, штаб молодой, только что рождающейся советской энергетики, совершавшей свои первые шаги под руководством Ленина.

— Вот с чего мы начинали, — показывает Глеб Максимилианович на картину.

Картина изображает безрадостный зимний пейзаж: снежная равнина с двумя домишками, и над ней хмурое, облачное небо с едва пробивающимся солнцем.

— Не думайте, что это где-то в сибирской глуши. Нет, это Центральная Россия. В. К. Бялыницкий-Бируля рисовал ее в трех часах езды от Москвы.

А сегодня в этих местах, распластав могучие крылья высоковольтных передач, создается грандиозная и стройная Единая Энергетическая Система Советского Союза, начало которой было заложено в плане ГОЭЛРО. И в ее осуществление Глеб Максимилианович вложил весь свой опыт, все свои знания. Разработка энергобаланса и пути развития энергетических систем... Основы электрификации различных отраслей народного хозяйства... Комплексное использование энергетических ресурсов... Электрификация магистральных железных дорог... Вот далеко не полный перечень проблем, которые были выдвинуты основателем советской научной энергетической школы. И сегодня, когда, казалось бы, можно было б и отдохнуть, Глеб Максимилианович сам руководит разработкой научных основ ЕЭС СССР, в которой ведущую роль призвана сыграть энергетика Сибири.

В свои восемьдесят пять лет он бодр и неутомим, и его интересуют и волнуют многие и многие вопросы. Но о чем бы ни говорил, что бы ни делал Глеб Максимилианович, он неизменно возвращается к Владимиру Ильичу. Он свято бережет все то, что напоминает об их тридцатилетнем общении и дружбе.

В комнате живет один человек, а чудится, что в ней двое. Один ходит по ней, показывает и рассказывает, покашливая и с улыбкой жалуясь на свое горло, которое, «как установили врачи, старше меня на целых десять лет», а другой смотрит с многочисленных портретов, картин и скульптур и будто слушает. Вот Ленин сидит за столом и пишет — фотография, известная миллионам. Вот он на субботнике, наклонившись, приподнимает бревно. Вот его лицо в профиль, анфас, вот голова Ильича. Под стеклянным футляром посмертная маска, снятая Меркуровым...

Глеб Максимилианович очень ревностно относится ко всему тому, что связано с Лениным, и строго, беспощадно и сурово осуждает некоторые неумелые попытки неправильно или формально отразить его образ в литературе и искусстве.

— Есть у нас актеры, исполняющие роль Ленина. Усвоили несколько движений и думают — все нашли. Или вот лежит повесть одной молодой писательницы о юности Владимира Ильича. С формальной, внешней стороны все в порядке, но живого-то Ленина в повести нет.

На историческом дубовом столе рядом с последними новинками научной и технической литературы в темно-красном переплете объемистая книга, только что выпущенная Лениздатом. О ней Кржижановский отзывается тепло.

— Посмотрите, как правдиво вспоминают старые петербургские рабочие о Ленине. Сколько раз они спасали его от лап контрреволюции! Сколько раз жизнь его висела буквально на волоске! Волнующая книга! Я собираюсь написать о ней.

Кстати, эта книга, пришедшая почтой, — только маленькая часть той обширной корреспонденции, которая поступает сюда из разных городов страны. Достаточно познакомиться с этой почтой, чтобы почувствовать, как любим и уважаем старейший революционер и ученый.

Диссертант из Иркутска просит совета, где найти материалы о Воровском. Журнал «Вопросы истории» присылал на отзыв статью «О пролетариате Киева в революции 1905—1907 гг.», а Вологодское издательство — повесть об И. В. Бабушкине... Но больше всего писем приходит от людей, познакомившихся с книгой Г. М. Кржижановского «Великий Ленин». Персональный пенсионер из Риги Я. Клявин в знак горячей благодарности за эту книгу присылает фотографию рижского домика, в котором в 1900 году жил В. И. Ленин. «Как бесконечно дорого нам каждое слово, сказанное вами об Ильиче», — пишет офицер А. Столбов...

...За окном густеют ранние сумерки. Глеб Максимилианович просматривает привезенные на подпись материалы, труды его учеников и помощников, передает М. В. Чашниковой написанное им сегодня письмо комсомольцам Энергетического института.

Прощаясь с ним, мы произносим фразу не новую, но она выражает мысли и пожелания всех, кто пишет Глебу Максимилиановичу или общается с ним:

— Здоровья, сил, успехов!

Г. ВЛАДИМИРОВА

ТРИ РАССКАЗА

Юсуф ИДРИС

Рисунки А. ВАСИНА.

Египетский писатель Юсуф Идрис родился в 1927 году. Получил медицинское образование. Начал писать в 1950 году.

Короткие рассказы Идриса, проникнутые симпатией к простым людям, написанные в своеобразной манере, привлекли внимание читателей. Произведения писателя печатались во многих периодических изданиях Египта и других арабских стран.

В 1954 году вышел первый сборник рассказов Идриса, «Самые дешевые ночи». В начале 1956 года издана его повесть «Рассказ о любви».

«Верно»

Ясно было, что этот мальчуган не имеет никакого отношения к Гарден-сити[1]. Он бос, рубаха его старая, порванная, а волосы неровно подстрижены под машинку. На голове волдыри, а на пепельно-желтом лице следы лишаев. Ясно, что такой мальчик не имеет ничего общего с Гарден-сити, кварталом дворцов, вилл и посольств.

Как же он попал на Гарден-сити? При виде его можно подумать, что мальчик сбился с дороги и заблудился. Но странно: он не испуган и не озабочен. Нет, он оживлен и весел.

День только начинается. Солнце уже красит землю, но еще не жжет ее. Дома погружены в торжественное аристократическое безмолвие. Слышно лишь, как щебечут птицы да переговариваются толстые и важные чернокожие привратники. На каждом из них широчайшая белая рубаха и смешная огромная чалма. Они сидят перед подъездами и охраняют дворцы.

Воздух такой, что хочется веселиться. Мальчик идет по широкой, освещенной солнцем улице безо всякой цели, куда глаза глядят. Он рассматривает деревья, дворцы и блестящие медные украшения. Мальчик то свистнет, то загудит, то остановится, то снова пойдет. Вот он идет «ножницами»: ставит левую ногу на место правой и наоборот. Теперь ему вздумалось попрыгать. Он поднял ногу, схватил ее сзади рукой и запрыгал на другой ноге, щелкая языком и подражая кваканью лягушки. Он прыгает то вперед, то назад. Настроение у него безмятежное. Он поглощен своей игрой, и ничто не мешает ему наслаждаться: ни работа, ни отец, ни хозяин.

Вдруг он обо что-то споткнулся. Нога больно заныла. Мальчик нагнулся, увидел, что под ногу попал белый камешек, поднял его и сердито отбросил. Не ограничившись этим, он поддал камень ногой. Камень полетел и упал. Мальчик с силой ударил еще раз, и камень вылетел на мостовую. Подойдя к нему, мальчик нагнулся, подобрал его и долго внимательно разглядывал. Убедившись, что камень не представляет ценности, он снова пошел, подбрасывая и ловя его. Вскоре мальчик был занят уже другим делом: зажав камень в кулаке, он выставил вперед указательный палец и вел им по стене дома, мимо которого проходил. Так он вел довольно долго, пока палец не заболел. Тогда он стал вести по стене камнем. И тут, оглянувшись, он увидел, что камень оставляет на стене белую черту. Игра увлекла мальчика, и он снова пошел, чертя на стене белую линию. На крашеной чистой стене линия была видна очень хорошо. Вот он провел черту вдоль всего дворца Сулеймана. Потом продолжил ее на доме аль-Фукагани, потом на вилле Саамана. Он пересек улицу и стал чертить по каменному забору, ограждающему сад американского посольства. Ему, видно, очень нравилось вести камнем по длинной, нескончаемой стене. Он шел, и рядом с ним ползла черта. Останавливался — не двигалась и она. Он поднимает руку вверх — ползет вверх и черта, опускает руку — опускается и черта. Теперь линия стала кривой, волнистой. И волны разные: то короткие — быстрые, то длинные — медленные.

Стена еще не кончилась, а ему уже расхотелось чертить волны. Он остановился и начал быстро и нервно наносить на стену кривые линии, клубок линий. Потом отошел от стены, подпер щеку языком и заквакал. А вот он уже покачивает головой, как бы рассуждая сам с собой и раздумывая... Вот он снова у стены — отыскивает место гладкое, без царапин. Смотрит на камень, выбирает выступ поострее и начинает работать. Скоро на стене появилось слово «Мухаммед». Мальчик чуть отошел в сторону и критически оглядел написанное. Буквы были тонкие и смотрели в разные стороны. Тогда он наклонился, положил руку на затылок и сосредоточил свое внимание на букве «мим»[2] в слове «Мухаммед». Ему очень не нравилась головка «мима», гордо закинутая назад. Он быстро подошел к стене и написал другой «мим». Но и этот «мим» после длительного и сосредоточенного изучения ему не понравился. Он бросился к стене и написал третий «мим», совсем рядом с первым, так, что хвосты «мимов» почти совпадали. Снова отошел он назад и посмотрел на свою работу. Но и на этот раз «мим» ему не понравился. Он бросил камень и пошел, недовольно вытянув губы.

Но внезапно он быстро вернулся назад, огляделся и принялся искать камень. Вот он нашел камень и провел на стене перпендикулярную линию... На этот раз он работал долго, со лба уже лил пот, а маленькие пальцы судорожно сжимали камень. Когда он закончил работу, на стене появились слова: **«Мы, народ, национализировали канал».**

Мальчик отошел от стены и посмотрел на свою работу, тяжело и взволнованно дыша. Эта надпись, видно, не удовлетворила его. Он покачал головой, подошел к стене и снова принялся за дело, закрыв один глаз, как бы прицеливаясь. Теперь на стене было написано: **«Мы национализировали канал».** Мальчик бросил короткий взгляд на написанное. Буквы ему не понравились. Он нашел, что «лам»[3] слишком длинен, «нун» написан неясно, «каф» же слишком закручен внутрь. И все буквы наклонены в одну сторону. Они похожи на пальму, с которой играет ветер... Мальчик сдул с камня пыль, выбрал уголок поострее, снова подошел к стене и стал работать, обливаясь пóтом и прищурив один глаз.

Окончив работу, он потряс рукой, как человек, которого утомило писание, отошел и посмотрел на свою надпись долгим взглядом. На лице его появилась довольная улыбка. Он закусил нижнюю губу, квакнул, потом вернулся к стене и под последним предложением поставил отметку «сахх» — «верно». И приделал к отметке веселый длинный хвост в знак полного удовлетворения.

Он смотрел на буквы, как бы желая убедиться, что стереть написанное не так-то просто, что надпись останется надолго и всякий, кто прочтет ее, узнает, что написал эти слова именно он. Так он стоял некоторое время, вглядываясь в надпись. Но вот он издал крик, похожий на крик ласки. Потом поднял правую ногу, схватил ее сзади рукой и поскакал по широкой, освещенной солнцем улице.

[1] Гарден-сити — квартал Каира, населенный богатыми людьми и иностранцами.

[2] «Мим» — название буквы «м» в арабском алфавите.

[3] «Лам», «нун» и «каф» — названия букв арабского алфавита.

Взгляд

Было несколько необычным, что такая маленькая девочка, как она, попросила меня, взрослого незнакомого человека, поправить ношу, возвышавшуюся у нее на голове. Попросила просто и непосредственно. Ноша была громоздкая: на голове стоял поднос с печеным картофелем, а поверх него уместился жестяной противень с пирожками. И этот противень готов был упасть. Худенькие ручки девочки отчаянно пытались восстановить равновесие, но сложное сооружение у нее на голове грозило рухнуть.

Я недолго разглядывал растерявшуюся девочку, поспешив ей на помощь. Уравновесить ношу было не так-то легко: я поправлял поднос — падал противень, поправлял противень — скользил поднос. А когда и то и другое становилось на свое место, девочка наклоняла голову, и все нужно было начинать сначала. Но наконец задача успешно решена — сооружение больше не качалось. Я посоветовал девочке вернуться в пекарню (она была совсем рядом), оставить противень, чтобы снести его в следующий раз.

Я не знаю, о чем подумала девочка — ее лицо закрывал поднос,— но она чуть помедлила, чтобы удостовериться, не рассыплется ли ее ноша, и пошла, быстро сказав несколько слов, из которых я разобрал только «ситти-ар» [1].

Я следил, как она пересекает широкую улицу, по которой один за другим неслись автомобили, видел ее старое, потрепанное платье, годное лишь на то, чтобы им вытирать плиту, видел ее ноги, похожие на длинные гвоздики, торчавшие из-под рваного подола.

Я наблюдал, как ее голые ноги, похожие на ножки цыпленка, переступали по земле, как она вздрагивала и снова двигалась, бросая по сторонам короткие взгляды. Несколько шагов она делала уверенно, потом чуть пошатывалась и снова шла.

Я долго наблюдал за ней, каждое движение ее заставляло меня волноваться: беда могла произойти в любой момент.

Наконец маленькая служанка перебралась-таки через улицу, где шел поток автомобилей, неторопливо, как умудренная опытом взрослая.

Она шла теперь по той стороне улицы. Я все еще видел ее. Но вот она остановилась, боясь пошевельнуться.

Я чуть не попал под машину, бросившись на выручку. Но, подойдя к ней, я увидел, что моя помощь не нужна. И поднос и противень не грозили упасть. Девочка же стояла и смотрела. Ее глаза следили за резиновым мячом, в который играли дети, такие же, как она, и даже старше ее. Они шумели, кричали и смеялись.

Она не заметила меня и пошла дальше. Прежде чем завернуть за угол, она остановилась, медленно повернулась всем телом и бросила долгий взгляд на детей, играющих в мяч...

Потом ее поглотила улица.

[1] Ситти-ар — моя хозяйка.

Заклад

Лето в самом разгаре. На полевой дороге не видно ни мухи, ни ворона. Полдень. Зной утихомирил все вокруг и превратил курильню аш-Шаркави, стоящую у извивающейся от адского огня дороги, в единственное райское место, где можно отдохнуть.

В этот час в курильне находились четыре постоянных посетителя. Хлопковый сезон наполнил их кошельки медью и серебром. Они переговаривались нехотя и лениво. Пятым был Салих — продавец инжира. Он сидел на корточках перед своей корзиной и молча сгонял мух с винных ягод и со своего лица. Хозяин лавки аш-Шаркави дремал, сидя рядом с погашенным примусом. Он не слышал Фараджа, поливщика улиц, который, пристроившись на корточках у одного из столбов, поддерживавших крышу курильни, терпеливо просил, чтобы аш-Шаркави разрешил ему курить кальян.

Вошел новый посетитель. Это был высокий бедуин, тонкий, как жердь. На нем ситцевая рубашка, не закрывающая ног, кожа которых прилипла к костям, и широкий шерстяной пояс. На голове грязная куфийя [2], стянутая не менее грязным укалем, нити которого уже порвались. С его худого лица текли ручьи пота, а из глаз едва не сочилась кровь.

Все ответили на его приветствие. Бедуин снял со спины маленького, вдруг заблеявшего барашка и попросил воды. Аш-Шаркави указал на кувшин, врытый в землю. Бедуин напился и сел на скамью.

Как только в курильне появился незнакомец, задремавшие было люди оживились. Завязался разговор. Посетители узнали, откуда бедуин и куда он идет. А когда выяснилось, что нет у бедуина ни верблюда, ни верблюдицы, ни денег, ни хашиша, к бедуину стали относиться свысока и с пренебрежением.

Когда скука снова начала одолевать посетителей, Салих бросил гонять мух и включился в разговор. Он пустился в размышления о смоковнице, о свежести ее сочных ягод, оживляющей сердце. Теперь говорил уже один Салих. Остальные слушали его, глотая слюни.

Салих сказал, что он съел бы пяток ягод. Но остальные посчитали эту цифру слишком большой. Тогда Салих объявил, что он сможет съесть целую корзину.

Поднялся смех. Спросили «шейха арабов» — бедуина — о его мнении на этот счет. Бедуин сказал тихо и спокойно:

— Я съем сто штук...

Смех сразу прекратился. Цифра была очень большой. Ведь даже бык, пожалуй, не съест сто винных ягод. Над бедуином посмеивались, но он настаивал на цифре «сто» и даже побился об заклад. В качестве залога он оставлял барашка.

[2] Бедуинский головной убор состоит из платка — куфийи — и шнура — укаля, закрепляющего платок на голове.

Тогда один из присутствующих вынул кошелек и принял заклад. Он платил за сотню винных ягод, если бедуин съест их.

Салих от радости чуть не прыгал. Он чистил ягоды, бедуин ел, а остальные в один голос считали. Фарадж оставил свое место, позабыл о кальяне и стал помогать Салиху чистить плоды.

А бедуин между тем быстро и легко бросал их в рот, словно в бездонный колодец. Аш-Шаркави, как на чудо, уставился на бедуина. Сон окончательно покинул его, и владелец курильни шепотом считал вместе со своими посетителями, Салихом и Фараджем.

Съев сорок винных ягод, бедуин расстегнул пояс...

А проглотив шестидесятую, он попросил воды. Аш-Шаркави быстро наполнил стакан водой из оросительной канавы и подал бедуину.

Съев девяносто штук, бедуин снова выпил воды. Он влил воду в живот, рыгнул и медленно, но верно прикончил сотню. А потом съел еще одну штуку за здоровье присутствующих.

Покончив с этим делом, он посмотрел на лица людей. Все удивленно молчали. Бедуин постоял с минуту, переводя дыхание, потом взвалил барашка на спину, как ни в чем не бывало попрощался и вышел.

Прежде чем бедуин скрылся из виду, его живот ощупали несколько пар удивленных глаз. Затем все пустились чесать языки.

Аш-Шаркави сказал, подтверждая свои слова движением головы:

— Этот человек из арабов Запада. Он, без сомнения, заколдовал винные ягоды и вступил в связь с джиннами, прежде чем приступить к еде.

Сказав это, он повернулся направо и налево и сплюнул.

А Салих заметил:

— У него в животе червяк, который и пожрал ягоды.

Фарадж откашлялся и сказал:

— Бедуины, что верблюды. У них по два желудка.

Один из владельцев разбухших кошельков сказал, что бедуин скоро распухнет и умрет и что они через день или два увидят тело его плавающим в оросительном канале или где-нибудь под мостом.

Много было разговоров, предположений и догадок. В конце концов чуть не возникла ссора.

Что касается бедуина, то он шел по дороге, но колики уже беспокоили его. Однако он думал о том, что наконец-то наелся, что постоянное ощущение голода исчезло. В будущее он не заглядывал: будь что будет.

Перевел с арабского
В. БОРИСОВ.

Вдохновенные стихи

Фахри ЭРДИНЧ

Просто так, неизвестно с чего
Захотелось стихи написать.
Взялся я за перо.
Вдохновение, что ли, нашло!
Какое там вдохновение!
Да и что с вдохновения взять!
Прилетела с родины весть:
— Голодаем, нечего есть.

Перевел с турецкого
Р. ФИШ.

КОЛКИЙ БОМАРШЕ

«Колкий» — так Пушкин в стихотворении «К вельможе» назвал Бомарше. Он первоначально написал «блестящий Бомарше», затем — «милый Бомарше», но остановился на слове «колкий», потому что «блестящий» и «милый» Бомарше замечателен прежде всего остротой, «колкостью» своих разивших феодализм произведений.

Бомарше родился 225 лет назад, 24 января 1732 года, в семье парижского часовщика Карона. Молодой Пьер Огюстен Карон, будущий писатель, выдвинулся, усовершенствовав устройство часов. Приглашенный ко двору, он ухитрился преподавать музыку дочерям Людовика XV. Придворные связи позволили Карону стать компаньоном одного финансиста и купить право на дворянскую фамилию де Бомарше. «Никто не осмелится,— иронически говорил он сам,— оспаривать мое дворянство: ведь в кармане у меня лежит квитанция!»

После смерти компаньона Бомарше его недобросовестный титулованный наследник затеял процесс, угрожавший будущему писателю полным разорением. Бомарше вынужден был вести этот процесс, находясь в тюрьме, куда он был отправлен без суда по требованию глумившегося над ним герцога де Шон. Бомарше проиграл процесс. Оставался один выход — вынести дело за стены неправого официального суда, обратиться к суду народа. И вот Бомарше в четырех «Памятных записках» рассказывает общественности о злополучном течении своего судебного дела. Значение «Записок» выходило далеко за рамки отдельного случая. Простым, доступным языком, смело и образно раскрывалась в «Записках» порочность всей системы тогдашнего судопроизводства.

Еще в шестидесятые годы Бомарше писал для театра. В ходе борьбы с феодальным произволом его литературный талант вырос, и он создал свои знаменитые комедии «Севильский цирюльник» (1775) и «Женитьба Фигаро» (1781). Но в последние годы своей жизни (Бомарше умер в 1799 году) писатель начал отставать от века; выявилась ограниченность его взглядов, и творческая активность писателя спала: он не мог понять и выразить суровую героику революции.

«Женитьба Фигаро» — вершина творчества Бомарше. Жизнерадостность и здравомыслие французского народа соединились в пьесе с историческим оптимизмом и беспощадным остроумием просветителей. Постановка этой комедии, осуществленная после трех лет упорной борьбы, показала, что королевской власти больше не под силу контролировать положение в стране. Пусть действие «Женитьбы Фигаро» якобы происходило в Испании, всем было ясно, что комедия показывала нелепость и гнилость всего феодального уклада Франции и с непочтительным веселым смехом провожала его на свалку истории.

Пьер Бомарше.

Цельные, полные жизнерадостного порыва комедии Бомарше как бы сами просились на музыку. На тему «Севильского цирюльника» было написано несколько опер, из которых особенно известна созданная после смерти Бомарше опера Россини (1816). Еще более замечательной была музыкальная судьба «Женитьбы Фигаро», по которой в 1786 году написал оперу Моцарт. Соединенные с музыкой Россини и Моцарта, комедии Бомарше пользуются неизменной любовью советского слушателя и зрителя.

Н. БАЛАШОВ

У ШАХМАТИСТОВ ИНДОНЕЗИИ

Гроссмейстер **Ю. АВЕРБАХ**

Один из клубов Джакарты... В небольшом зале вокруг шахматных столиков, расставленных прямоугольником, столпился народ. Идет сеанс одновременной игры на сорока двух досках с шахматистами Джакарты.

Я хожу по кругу внутри прямоугольника, почти без раздумья делая ответные ходы. Вдруг у одного из столиков происходит заминка Я берусь за пешку и... тотчас же отдергиваю руку. Из-за пешки на меня с нескрываемым любопытством смотрит маленькая серая ящерица — «чичак». Раздается дружный смех. Ящерица стрелой пробегает между фигурами и скрывается под столом.

— Вы испугались собственного хода? — улыбаясь, спрашивает меня один из зрителей.

— Нет, гроссмейстер просто забыл, как ходит пешка! — отвечает за меня мой партнер.

Теплая, дружеская обстановка окружала меня во время выступлений в Джакарте.

Я приехал туда по приглашению Индонезийской шахматной федерации. Это была первая встреча шахматистов Индонезии и Советского Союза. Мне первому из советских шахматистов выпала честь установить дружеские связи с индонезийскими шахматистами. Число зарубежных шахматистов, побывавших в Индонезии, очень невелико. Чемпион мира А. Алехин, экс-чемпион мира М. Эйве, югославский гроссмейстер Б. Костич, голландский мастер Л. Принс — вот и весь список.

Шахматы в этой стране известны уже много столетий, хотя только недавно здесь произошел переход к европейским правилам.

М. Эйве, побывавший в Индонезии в 1930 году, отмечал большой интерес индонезийцев к шахматам, но, по его мнению, они играли хуже, чем европейцы. Однако, говоря о батаках, народности, живущей на острове Суматра, он признал за ними большие природные способности к шахматам. Ему пришлось сразиться с одним сильным шахматистом-батаком. Игра проходила по правилам, несколько отличным от европейских. Этому крестьянину, не умевшему ни читать, ни писать, Эйве, по его собственным словам, «проиграл с большим треском».

Я провел двадцать дней в столице Индонезийской республики, принял участие в турнире сильнейших шахматистов страны, дал несколько сеансов одновременной игры. Для того, чтобы сразиться со мной, в Джакарту приезжали люди с различных островов Индонезии. Оказалось, что не только на Яве, но и на Суматре, Калимантане (Борнео) и Сулавеси (Целебесе) есть сильные шахматисты. Чемпионом страны, с которым я провел небольшой матч, является представитель народности батаков Б. Хутаголунг. Это молодой образованный человек.

Вспоминая партии, которые я играл в Джакарте, могу с уверенностью сказать, что индонезийцы играют нисколько не хуже, чем шахматисты во многих европейских странах.

До поездки в Индонезию романтические названия Ява, Борнео, Целебес ассоциировались в моей памяти со всем тем, что я читал на страницах учебников географии.

Президент Индонезийской шахматной федерации доктор Харахап.

И вот теперь я увидел Индонезию. Передо мной во всей ее сложности и трудностях предстала жизнь многомиллионного народа, самоотверженно борющегося за свое счастье.

Молодая Индонезийская республика уже имеет за плечами героическую историю борьбы против колонизаторов, закончившейся провозглашением независимости. На этом пути индонезийский народ, несомненно, впишет в свою историю новые, блестящие страницы.

ДИЕГО РИВЕРА И МАЯКОВСКИЙ

В Москве гостил знаменитый мексиканский художник Диего Ривера, автор грандиозных фресок, которыми расписан ряд общественных зданий города Мехико.

Диего Ривера хорошо знал Маяковского. Они познакомились и подружились во время пребывания поэта в Мексике летом 1925 года. Маяковский посвятил мексиканскому художнику главу в своей книге «Мое открытие Америки». Затем они встречались в Москве, где Диего Ривера был в 1927—1928 годах.

Приехав в Москву во второй раз осенью 1955 года, художник побывал в Библиотеке-музее В. В. Маяковского. Он подробно осмотрел музей. Войдя в мемориальную комнату Маяковского и увидев мексиканский коврик «сарапе», висящий над тахтой поэта, он заметил: «Эту вещь подарила Маяковскому моя жена». Художник сказал, что находится в этом доме не впервые: в дни празднования десятилетия Октябрьской революции он был здесь в гостях у Маяковского вместе с Теодором Драйзером и Анри Барбюсом.

Диего Ривера сделал в Москве в январе 1956 года портрет Маяковского. Надпись на портрете гласит: «Таким я помню Маяковского в Мексике».

В воспоминаниях, написанных тогда же и печатаемых здесь (они переведены с испанского автором этих строк), художник воспроизводит интересный эпизод, который напоминает то место в «Моем открытии Америки», где Маяковский говорит о страсти мексиканцев к стрельбе из револьверов. Вместе с тем эпизод этот еще раз свидетельствует о силе воздействия поэзии, голоса и личности Маяковского и о столь характерной для него находчивости.

А. ФЕВРАЛЬСКИЙ

К тому времени, когда Маяковский приехал в Мексику, у рабочих и интеллигентов-коммунистов, у их друзей представление о нем было неясное и фантастическое, но очень яркое.

Почти никто не читал переводов стихов поэта, но все слышали о нем. В воображении мексиканцев Владимир возникал как красный герой-гигант, который вдохновлял бойцов, читая им стихи голосом потрясающей силы, царившим над грохотом стрельбы, и который, поднимая мужество людей, вел их к победе над врагом.

Когда сам он приехал в Мексику летом 1925 года, всех пленили энтузиазм великого поэта, его искренняя сердечность и доброта, в которой чувствовалась большая сила. И все хотели слышать его могучий голос, хотя и не могли понимать смысл слов.

Я вспоминаю любопытный эпизод, непонятный для людей, не знающих Мексики того времени — сразу после гражданской войны или, вернее, в период ее последних потрясений: ведь еще 1923 год был годом кровавых схваток.

В доме наших советских друзей, людей весьма уважаемых, собралась группа мексиканцев, среди которых были политические деятели, депутаты и сенаторы, писатели, поэты, бывшие бойцы, художники, инженеры, врачи, экономисты и несколько дам. Каждый из них был готов убить того, кто осмелился бы усомниться в его революционности. Начались тосты, речи, завязались споры — и вдруг возникла драка, в которой невозможно было понять, кто с кем и из-за чего дерется. Советские товарищи, возмущенные таким странным способом заканчивать банкеты, призывали к спокойствию и предлагали дерущимся выйти на улицу и продолжать сражение там.

Сначала оружием, кроме кулаков, служили бутылки, стаканы, а то и стулья, но внезапно засверкала сталь револьверов. До сих пор Владимир только улыбался и жестами призывал к спокойствию. Но, увидев револьверы в руках мексиканцев, которые в таких случаях сперва пользуются ими для ударов дулом, а под конец стреляют, и как бы предвидя это, голосом, перекрывшим шум, Маяковский крикнул по-русски: «Слушайте!» Все прекратили драку и уставились на него, а он стал читать «Левый марш», и голос его звучал все громче и звонче. Мексиканцы успокоились и, когда поэт кончил чтение, устроили ему бурную овацию: бросились к нему, чтобы обнять его, и стали обнимать друг друга.

Так чудодейственный голос Маяковского и его поэзия восстановили мир. Достигнув этого, поэт вышел на улицу, и все последовали за ним.

Владимир быстро шагал, успокаивая мою жену Лупе Марин, женщину весьма воинственного нрава, но на этот раз под воздействием выпитого вина плакавшую громко и безутешно, потому что кто-то назвал ее плохой революционеркой. Остальные задержались, отстали от нас. Наконец Лупе успокоилась. Мы пришли домой, и Лупе под аккомпанемент гитары, на которой играл романтически настроенный сенатор Мануэль Эрнандес Гальван, лучше чем когда-либо пела одну за другой песни для Владимира Маяковского.

Диего **РИВЕРА**

Перекати-поле

Рассказ

Виталий ВАСИЛЕВСКИЙ

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

Григорий Петрович Савушкин, работник областного учреждения, возвращался из долгой, утомительной командировки.

В колхозе «Путь Октября» ему удалось поймать попутный грузовик. Григорий Петрович так устал, что, едва ввалившись в нагретую мотором кабину, мгновенно уснул.

От колхоза до пристани «Веселый бор» было километров тридцать, и шофер Миша обнадежил, что к пароходу поспеют, хотя дорога, ой, как трудна...

Сквозь сон Григорий Петрович чувствовал, как грузовик встряхивало на ухабах, и его не покидало ощущение, что плывет он в утлой лодчонке по порожистой реке против течения.

Когда удавалось на миг расклеить сплющенные сном веки, Савушкин видел справа и слева однообразный до отупения частокол безлиственных осин, а впереди всклокоченные комья глины и жидкую грязь дороги.

Через полчаса, окончательно проснувшись, Григорий Петрович убедился, что грузовик, накренившись, стоял в глубокой колдобине.

Шофера в кабине не было. Приоткрыв дверцу, Савушкин заметил торчащие из-под машины ноги. Изредка ноги вздрагивали. Это происходило тогда, когда шофер ругался. Григорий Петрович выпрыгнул, тотчас зачерпнув калошей студеную жижу.

Узкая извилистая дорога, состоящая из взболтанных колесами глыб глины и ухабов, напоминала поток выпускаемого из домны шлака.

— К пароходу не опоздаем?— нерешительно спросил Григорий Петрович.

— Нет, не опоздаем,— злым голосом ответил из-под машины шофер.— Уже опоздали.

Сказано это было до того резко, что Григорий Петрович вздохнул и полез обратно в теплую кабину. Сняв вместе с калошей ботинок, он приложил ногу в мокром носке к горячему мотору.

От «Веселого бора» осталось только название. Вокруг притулившейся к обрывистому берегу пристани торчали высокие пни, похожие в темноте на могильные памятники. И тишина здесь стояла тоже кладбищенская.

Шофер Миша был дерзкой личностью. Шевеля озябшими пальцами в хлюпающих, промокших сапогах, насвистывая, он с любопытством следил, как «областное начальство» — так отрекомендовали ему в колхозе Григория Петровича — бродило по безлюдному речному вокзалу, походившему на баржу.

Григорий Петрович сунулся в кабинет дежурного, но на двери висел старинный пудовый замок.

Двери тесной комнаты, горделиво поименованной «рестораном», были, правда, распахнуты, но там никого не оказалось, столы сдвинуты в угол, а на буфетном прилавке спал, завернувшись в брезентовый плащ, старик сторож.

— Товарищ начальник, а товарищ начальник!— наконец окликнул Савушкина шофер.— Вы что, прошлогодний снег ищете? Поехали ночевать к Параше. Пароход в пять утра придет!

Поселок стоял в стороне, километрах в трех от пристани. Едва грузовик въехал на улицу, как Григорию Петровичу показалось, что все вокруг посветлело, потеплело, что ли.

Это произошло потому, что у высоких, с мезонинами домов был нарядный вид. Даже в сумерках бревна отсвечивали густым маслянистым блеском, словно вылепленные из меда.

На южной и восточной сторонах домов были прорублены широкие окна, и окон было много: четыре, шесть, иногда все восемь, потому что здешние жители умели беречь скупое сияние северного солнца

Машина остановилась у крайнего дома. Тотчас за забором залился, вскидываясь на дыбки и звеня цепью, пес. Шофер просигналил, и гудок вызвал световое эхо: в доме включили электричество.

Очутившись в жарко натопленной комнате, Григорий Петрович с трудом расстегнул негнувшимися пальцами макинтош. Половина комнаты была занята низкими глянцевито-лоснящимися нарами; правее стояла огромная крашенная мелом русская печь; на подоконниках и прямо на полу около дощатой перегородки, отделявшей спальню, столпилось множество глиняных горшков с цветами.

— По-татарски,— показав на нары, сказал хозяйке Савушкин.

— А я и сама татарка,— рассмеялась та.

Она была очень хороша: высокогрудая, румяная, крутощекая; телесная сила гармонически сочеталась в ней со стройностью стана, быстрой, ловкой походкой.

— Какая ты татарка! Коренная кержачка!..— сказал вошедший шофер.— Дай-ка товарищу начальнику топленого молока да укладывай на нары.

Было заметно, что Мише нравится подчеркнуто насмешливо называть Григория Петровича «товарищем начальником»: из-за него он лишился «хабара» — причина основательная для раздражения.

Слова шофера не произвели на усталого Григория Петровича никакого впечатления.

— Нары Параша выстроила для прибытка,— объяснил Миша.— Вся районная шоферня ночует. Считай, по три рубля с рыла — хозяйке доход!—Он бросил в угол какие-то узлы, кожаную куртку и фальшиво кротким голосом добавил:— Ты посматривай тут за машиной!

— Знаю, к кому поспешаешь: к Зинаиде!— фыркнула хозяйка.

— А ты меня с собой положишь?

— Нет, не положу. Уж чего-чего, а эдакого!..— с внезапно прорвавшейся досадой сказала Параша и, не договорив, полезла в печку, вытащила крынку с молоком.

Шофер тоже ничего ей не ответил и ушел, посвистывая.

Григорий Петрович вытянулся на застеленных войлоком нарах, взбил ударом кулака подушку в цветной ситцевой наволочке, накрылся дерюжным одеялом и крякнул от удовольствия: «Эх, славно!» Однако заснул он не сразу. Прикрыв щитком ладони глаза от ярчайшего света электрической лампочки, висевшей на длинном шнуре, он наблюдал, как Параша, убрав посуду со стола, протяжно, заразительно-вкусно позевывая, сняла с этажерки какую-то книгу и начала читать.

Читала Параша медленно, крупно шевеля губами и часто задумываясь, отодвигала книгу и сосредоточенно глядела куда-то далеко-далеко.

Проснулся Григорий Петрович от шепота и позвякивания посуды. Оттянув рукав, он взглянул на часы: половина первого ночи.

За столом сидел светловолосый юноша с худощавым лицом. Ворот его военной гимнастерки был расстегнут; шея его была белая, нежная, совсем девичья. Он пил молоко и торопливо жевал оладьи Рядом стояла Параша и непрерывно подвигала ему то тарелку, то крынку.

— Может, водки выпьешь?

— Да нет, не хочу, спасибо,— кивнул юноша.

— Значит, вчистую? Открутился?— вздохнула Параша — Эх, Саня!

Саня поднял на нее глаза, и лежавший безмолвно на нарах Григорий Петрович заметил, как много в них упорства, и упорства не скоротечного, а спокойного, взвешенного, обдуманного, выстраданного. Лишь издалека Саня казался юношей; приглядевшись, можно было различить темные морщины вокруг рта и глаз.

— Я-то открутился, а вот теперь ему крутиться!

— За него не думай. Ермолаев хребты не таким ломал... Эх, Саня!

Ермолаев? С усилием Григорий Петрович припомнил, что Ермолаев был директором здешнего леспромхоза.

— Куда тебя, Саня, паралик гнет?— продолжала Параша.— Жена-то на каком месяце?

— На седьмом, — буркнул Саня. — А что из этого следует?

— А то, что втихомолку бы жить надо, если жена на сносях.

— Эк, куда хватила!— с раздраженным смешком сказал Саня.

— А ты что думал? Отсиделся бы, осмотрелся, заранее удобное место выбрал. Ведь ты из-за рабкорства больше года нигде не уживался. То-то тебя «перекати-поле» прозва-

ли!.. На кого руку поднял? На кого? Ермолаев кое-кого умаслил! Прокуророва теща дом поставила?

— Ну, поставила.

— А бревна кто возил? Опять же Ермолаев!

— Не рви ты мне душу,— попросил Саня.— Не за тем я к тебе зашел. Если поклялся при всех, что Ермолаева вышвырну, если открыто вором обозвал, значит, либо он, либо я! Двум медведям в одной берлоге не жить!

Саня совсем не походил на медведя, но слова его не показались Григорию Петровичу смешными.

— А станет твоя финтиклейка тебя в нужде да горе дожидаться? Эх, Саня!

Саня отвернулся и ничего не сказал.

У Параши вздрагивала нижняя губа, и, вероятно, почувствовав это, она поджала ее, прикусила.

— Не за тем к тебе зашел,— повторил Саня.

— Ах, ты на постоялый двор ночевать пришел! — со злорадством подхватила Параша и, откинувшись, скрестила руки на груди.— Парохода дождаться? Так гони трояк, полезай вон, ложись рядом с начальником, и чтоб я тебя не слышала, сатану!

Гремя тарелками, она пошла к печке.

Григорий Петрович повернулся к стене, осторожно, чтобы не привлекать внимания, закурил под одеялом, отгоняя щекочущий ноздри дым рукою. Он слышал, как Саня разувался, разматывал портянки, как, шлепая босыми ногами по половицам, ходила от стола к печке хозяйка.

За две недели пребывания в районе Григорий Петрович наслышался о Ермолаеве. И колхозники и лесорубы называли его «владыкой». Мнения были противоречивыми до крайности: кто говорил, что Ермолаев — попросту жулик, кто уклончиво твердил, что «не пойман — не вор, а жить, конечно, умеет». Леспромхоз Ермолаева считался передовым в области.

Служебная практика подсказала Григорию Петровичу спасительную на все случаи жизни формулировку: «План выполняет, так что с такого возьмешь?»

— Ты чего подушки не просишь? Кулак под голову подсунешь? У-уу! — с негодованием прошипела Параша, и через всю комнату пролетела, шлепнулась на нары подушка.

— Спасибо.

Через минуту щелкнул выключатель, мгновенно посветлевшие окна показали из темной комнаты Григорию Петровичу звездное ожерелье на прояснившемся небосклоне; заскрипела деревянная кровать за перегородкой.

Саня осторожно вытянулся рядом с Григорием Петровичем и ровно задышал, то ли заснул сразу, то ли хотел показать хозяйке, что заснул.

«А сколько у нас в области таких выполняющих и перевыполняющих планы «владык»,— подумал Григорий Петрович,— каким мы прощаем за «кубики» и малые и большие грехи?»

Его клонило в дремоту, и мысли путались. В жаркой темноте дома было тихо, а цветы, стоявшие на подоконнике, рядом с его головою, пахли все сильнее, все душистее.

Так прошло несколько минут, и неожиданно на дворе залилась собака, зашлепали лошадиные копыта по грязи, кто-то привязал повод к резному крылечному столбику и, неуверенно переставляя по ступенькам ноги в тяжелых сапогах, добрался до двери, постучал.

— А пропадите вы пропадом! — рассердилась Параша, прыгая со скрипучей кровати.— Подавитесь вашими трешками!

В дом, озаренный ослепительно вспыхнувшей лампочкой, ввалился широкоплечий мужчина с угрюмым лицом. Не только сапоги, но и брюки и ватная стеганка его были заляпаны ошметками грязи, и на щеках тоже застыли черные крапинки.

— Здесь, что ли? Уже пригрела? — проворчал он, бросив подозрительный взгляд на Парашу.

— Я тебя вот колуном в переносицу пригрею! — пообещала хозяйка.— Рожу-то сполосни, в грязи ведь, как овечий хвост!

Мужчина опустился на нары в ногах Сани и, похлопывая плетью по голенищу своего сапога, возбужденно сказал:

— Олександр, Олександр, чего ты задумал? Вернись! Одумайся! Все устрою. Отменит он приказ. Не мальчик ты: под тридцать шелапуту! И никто тебе в районе не поможет, учти!

К этому времени Григорий Петрович уже бесцеремонно курил, откинув одеяло, но на него не обращали внимания ни вошедший, ни протиравший кулаками глаза Саня, ни накинувшая шаль на крупичатые плечи Параша.

— Будто нашим районом советская земля кончается! — сморщил нос Саня и, разметав руки, потянулся до хруста в костях.— Плохи, видно, дела у «владыки», если он тебя с уздой прислал!

Мужчина заелозил по нарам, рассыпая во все стороны искры из трещавшей крупнозернистой махоркой цыгарки.

— Если Людка ревит...

Григорий Петрович знал, что в здешних селах говорят «ревит» вместо плачет.

— ...если сестренка в положении, так я стану твои фокусы терпеть? Да? Ошибся, Олександр, ошибся! Уволил тебя Николай Евсеевич не в порядке зажима самокритики, а по сокращению штатов. Когда директор передового леспромхоза напечатал в областной газете статью, что надо аппарат сжимать, то тут, Олександр, не придерешься. Похвалят!.. Экономия государственных ассигнований! — Мужчина выразительно пожал плечами.— Газета от седьмого августа сего года. А за «швырок» прокуророва теща уплатила сполна.

— Именно, за швырок! А возила бревна в три, в четыре обхвата! — вставила Параша.

— Сие не доказуемо! — с издевательской вежливостью ответил ей мужчина.— И вообще ты уйди от греха подальше! — Плетка в его судорожно сжатой руке забилась, срывая с голенища комья грязи.

— Плеткой-то не грози! — вскинулась Параша.— Не таким жеребцам холку мылила!

— Не сомневаюсь! — нагло ухмыльнулся пришелец.

— Ты гнешь по родственной части, а Саня ставит вопрос принципиальный!

— И остался с принципиальностью безработным! А на каждый принципиальный вопрос, между прочим, есть оправдательные документы. Говорю при свидетелях! — обернулся к Григорию Петровичу мужчина.

— Пусть, пусть гражданин послушает,— подхватила хозяйка.— Он из области, в начальниках.

На пришельца угроза Параши не подействовала.

— Были комиссии — и министерские, и областные, и госконтроля,— охотно сообщил он Григорию Петровичу.— Баланс в полном ажуре!

— Вот что, Архип,— сказал твердо, как о давно решенном, сидевший на нарах Саня, глядя себе в острые коленки:— На попятный я не пойду! Можешь передать «владыке», что ни в директорском кабинете, ни в партии ему не удержаться.

— И ничего ты не добьешься.

— Так и не добьюсь?!

— А вот не добьешься.

— Посмотрим. Область не поддержит — в Москву пойду.

— А я тебе, Олександр, тоже скажу открыто.— Архип встал, сутуля мясистые плечи.— Людка слезы лить не станет. Так и помни!.. Денег на племяша или там племянницу мне не занимать. Прокормлю. Прощевай!

В дверях он приостановился, с нахальным видом сказал Параше:

— Полы-то я натоптал, хозяюшка. Получи трояк!

С размаха Параша ударила его по протянутой руке.

— Катись! Катись! — звонко крикнула она.— И деньги ермолаевские! Сапоги ермолаевские! И кишки твои Ермолаев скупил!

Трудно сказать, чем бы все кончилось, если бы в доме не было Григория Петровича.

Архип метнул на него быстрый взгляд, выругался и ушел.

Пока на дворе бесилась собака, пока храпела прозябшая лошадь, стуча копытом в ступеньку крыльца, пока озверело сквернословил Архип, открывая калитку и влезая в седло, в доме все молчали.

— Ну, гости дорогие, досыпать ночь-то требуется. Два часа всего! — с безрадостной улыбкой сказала Параша.— Толковать больше не о чем. Вбили гвоздь по самую шляпку!

Она щелкнула выключателем, пошла за перегородку и долго ворочалась на кровати.

— —

Проснулся Григорий Петрович на рассвете. Саня, одетый, в сапогах, с полевой сумкой на тонком ремешке, перекинутом через плечо, бледный, невыспавшийся, стоя, расчесывал гребешком волосы.

Хозяйка, как видно, глаз не сомкнула; синие полукольца подглазников, похожие на бирюзовые подвески, выделялись на ее осунувшемся лице.

— Волосики-то какие мягкие! — прошептала она, положив руку на Санин затылок.

— Оставь, Параша,— безвольно сказал Саня, кривя рот.

— Оставила, давно уж оставила! Как финти-

клейка от тебя сбежит, ко мне заявишься! Все вы одинаковые!

Саня молча надел защитного цвета мятую фуражку с треснутым козырьком, тоже молча пожал ей руку и побрел тяжелыми шагами к дверям.

— Что? Пароход? — спросил Григорий Петрович.

— Да не торопитесь, — нехотя ответила хозяйка, повернувшись к нему спиною и глядя в окно. — Речка по лугам петляет, как я отсюда трубу замечу, так через полчаса подвалит. Если не обмелится где или в корягах не застрянет.

Она толкнула ладонью оконную раму, и в дом потянуло холодной тишиною осеннего ненастья.

Река и вправду кружилась по луговине, струилась в отлогих берегах плавно, неторопливо; вода была бесцветной; протяжно перекликались не видимые из поселка плотовщики.

Бесшумное течение подталкивало отбившиеся от плотов бревна, вертело их в водоворотах, забывало на отмелях.

— Архип, что ж, — родственник ему? — осведомился Григорий Петрович, когда Параша принесла миску с бараниной и тарелку творогу.

— Финтиклейкин брат. Добытчик! На нетопленной печи угреется!

— Хороший, видно, Саня-то!

— Без таких и жизни бы не было! — словно удивляясь непонятливости Григория Петровича, необходимости говорить об этом, медленно усмехнулась Параша. — Вы в области-то по какой части?

— По льняной.

— А-аа... — разочарованно протянула она и ушла за перегородку.

И даже когда Григорий Петрович попрощался, оставив на столе деньги, не выглянула, не проводила его.

Обогнув грузовик, который так и проторчал одиноко ночь у ворот, Григорий Петрович уныло зашагал по лужам, прижимая к боку увесистый портфель со служебными бумагами, с полотенцем и мыльницей.

Несколько минут спустя мимо него промчался сломя голову запыхавшийся Миша; бежал он, не разбирая дороги, выбивая сапогами из луж фонтанчики грязи.

Касса была открыта, Григорий Петрович приобрел билет до Синегорска и, повинуясь привычкам опытного путешественника, направился в ресторан.

Там столики были застелены сурового полотна скатертками, стулья аккуратно расставлены, в железной печурке бойко трещали щепки, и тучный буфетчик без всяких предисловий спросил, указывая на различной вместимости стопки:

— «Монастырскую» или «охотничью»?

— Полтораста. Пиво синегорское? — вяло спросил Григорий Петрович.

— Помилуйте, — буфетчик обиделся. — Со вчерашнего парохода.

Григорию Петровичу совсем не хотелось пить, но он выпил и с трудом жевал бутерброд с окаменевшей краковской колбасою и думал о том, какую непоправимую ошибку сделал, что занимался в районе льном и коноплей и отмахивался от разговоров о «владыке», утешая себя, что это его, мол, не касается, что в командировочном удостоверении точно определена цель поездки.

А оказалось, что служебные обязанности обязанностями, а еще есть жизнь, суровая, сложная, и нельзя пройти сторонкой, боясь измазать привыкшие к канцелярскому паркету башмаки.

Он чувствовал себя глубоко виноватым перед Саней и все оглядывался, искал его глазами и давал слово обязательно в пути разговориться с ним и помочь ему в Синегорске.

А затем он подумал, что немедленно по возвращении его засадят строчить многословную докладную и, вероятно, непрочитанных писем и жалоб накопилась гора, а Василий Савельевич уже отбыл в Кисловодск, значит, работы прибавится...

Внезапно пристань качнулась от волны, поднятой прибывшим пароходом.

Высоко в горах расположился колхоз «12 лет Октября».

Н. ЧУРАКОВ

Фото А. Скурихина.

Чабан Янгар Бельчеков.

Конец аилов

За петляющей стежкой Оби раздольную ширь алтайской степи неожиданно пересекают горы. Громоздясь друг на друга, одетые в вечнозеленые леса, они играют под облаками ослепительной белизной своих снежных папах. Горы и горы, куда ни кинешь взгляд. В глубоких ущельях несутся пенистые реки — Бия, Катунь, Чуя.

Горный Алтай! Край лесов, пушнины, скотоводства, богатых полезных ископаемых.

По берегам рек на сотни километров, вплоть до монгольской границы, вьется Чуйский тракт — главная жизненная артерия Горно-Алтайской автономной области. По обе стороны тракта в бесчисленных логах разбросаны сибирские села, выстроенные из вековой лиственницы.

Сворачиваем с тракта вправо и оказываемся во владениях колхоза «12 лет Октября». Все дома в деревне новые, как на подбор, один к другому. Школа, больница, клуб, магазин, здание сельского Совета. Прямыми линиями четко отделяется один квартал от другого. Можно подумать, что сюда, в тайгу, приехали переселенцы.

Но это не обычные переселенцы. Они порвали с традицией отцов и дедов: из темных аилов перешли в деревню, начали жить в домах. Впервые над головой алтайца не холодный и мрачный конус аила, а светлый, пахнущий смолой потолок. Впервые алтаец смотрит на мир в широкое окно, спит на кровати, входит в дом и выходит из него через дверь, а не через лаз аила. Дети не болеют трахомой. Маленький репродуктор на стене каждодневно приносит в алтайскую семью новости со всего света. Только что срубленная изба озарена электрическим светом.

Оценив все преимущества новой жизни, после долгих раздумий старый охотник Тохна Шлыков пришел к выводу:

— Обычаев предков не надо держаться.

Правда, он произнес этот приговор прошлому после того, как все уже переехали из аилов в дома. Но Тохну можно понять. Он старый человек, ему труднее сбросить с себя вериги прошлого, чем молодежи.

Решительно порвав с традициями предков, Шлыков взял топор и стал рубить дом. Старик не хотел отставать от соседей. Ему помогла артель, помогли колхозники. Дни последнего аила были сочтены.

Олень-цветок

Так нежно, цветком, называют китайцы пятнистого оленя. У него гордая посадка небольшой головы, грациозный выброс ног, удивительно красивое сложение. На

...ИСКОГО ТРАКТА

сухих и тонких ногах он с поразительной легкостью несет свой корпус, словно без всяких усилий, в стремительном прыжке отрывается от земли и летит несколько метров, как птица. Только изгородь почти в два человеческих роста служит надежной гарантией того, что этот барьер олень не преодолеет.

В Шебалинском совхозе решили пойти на смелый шаг — выпустить оленей из загонов на свободную пастьбу в горах. Удастся ли их удержать пастухам, подчинить своей воле, или они разбегутся по лесам, и потом не соберешь стада?

Для начала пастухи отобрали старых, не таких уж бойких рогачей. Еще в зимниках начали их приручать. И добились немалого: животные не только близко подпускали к себе людей, но даже брали из их рук корм.

В марте с южных склонов гор сошел снег. Показалась перезимовавшая ветошь и не утратившее своего аромата мелкое разнотравье. От такого корма олени никуда не уйдут. Пора, решили пастухи.

Солнечным утром, когда из-за гор упали первые лучи и рассеяли дымку, раскрыли загон. Путь в горы и леса был свободен. Ненавистного барьера, который обрекал оленей на вечную неволю, больше не существовало. Рогачи удивленно подняли головы, сгрудились в тесную кучу и не двигались с места.

Одна пастушка осторожно въехала на коне в раскрытый загон, обошла рогачей с тыла и шаг за шагом начала их теснить к выходу. Олени еще плотнее жались друг к другу, становились на дыбы, перепрыгивали один через другого, но не осмеливались покинуть загон. И когда уже совсем близко было до выхода, один вдруг вытянул голову, сделал два броска и пулей выскочил на свободу. За ним другой, третий...

Через полчаса все стадо удалось взять «под конвой»: две пастушки на конях ехали с боков, третья медленно подпирала сзади. Олени с жадностью набросились на влажное, еще не подсохшее разнотравье, глубоко вдыхая его аромат и пьянящие запахи сырой земли.

...Прошло немного времени, и в стаде старых оленей уже паслись бойкие перворожки. Сотни рогачей под надзором пастухов гуляли на склонах гор всю весну и лето. Хозяйство собрало намного больше пантов, чем когда-либо прежде, получило небывалый приплод молодняка. За смелое применение вольного выпаса оленей Шебалинский совхоз был участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Опыт его служит примером для других оленеводческих хозяйств страны.

Сады в предгорьях

В двух километрах от столицы автономной области — Горно-Алтайска, в Татанаковском логе, в строгом шахматном порядке рассажены на склонах яблони и груши. Летом темно-зеленой листвой и обилием плодов выделяется плантация черноплодной рябины. Осень украшает разными цветами ягодники.

Горно-Алтайский плодово-ягодный опорный пункт создан еще по совету великого преобразователя природы И. В. Мичурина. Опираясь на его учение, специалисты заставили в условиях Алтая плодоносить сады и ягодники. Они вывели многочисленные местные сорта, назвав их близкими алтайцам именами: «Бия», «Катунь», «Чемпион Алтая», «Надежда». Это лучшие сорта черной смородины. Урожай некоторых из них достигает 150 центнеров с гектара.

Научные работники опорного пункта доказывают, что в предгорьях Алтая самая доходная отрасль в сельском хозяйстве — садоводство. Здесь все создано для развития садов. Невысокие горы — надежная защита от губительных степных ветров. Обильные снегопады предохраняют землю от глубокого промерзания. Летом выпадает много осадков. Земля богата перегноем. Как не получить при таких условиях хороших урожаев!

Недалеко время, когда Алтай покроется садами и будет снабжать жителей края фруктами и ягодами.

Олени в питомнике

Вечный источник

Костромской драматический театр, на спектаклях которого в далекие годы не раз бывал Александр Николаевич Островский, носит его имя. Коллектив этого театра прочно связан со зрителями, стремится шире и разнообразнее строить свой репертуар.

В нынешнем сезоне костромичами поставлена новая пьеса Дм. Зорина «Вечный источник». В пьесе отражена жизнь деревни начала 20-х годов, сложные и нелегкие судьбы ее людей. В центре спектакля — образ В. И. Ленина.

...Подмосковье. Тысяча девятьсот двадцать второй год. Молодое Советское государство после долгих ожесточенных боев с интервентами и белогвардейцами начинает залечивать раны, нанесенные войной, строить новую жизнь. Надо было преодолеть огромные трудности, особенно в деревне, добиться того, чтобы каждый крестьянин сердцем, душою, разумом понял правильность пути, по которому повела его партия.

Зритель видит в этом интересном спектакле живые страницы далекого прошлого, яркие, правдивые образы. Вот бывший батрак Мартын Крутояров (В. Макасеев) — верный солдат революции. За нее он дрался, не щадя сил. Беззаветный порыв к лучшему, светлому будущему, горячая вера в ленинское дело и в то же время порою крутые, порою наивные приемы в общении с людьми, неумение подойти к ним осторожно, вдумчиво, — как характерен образ Мартына для тех лет!

Горячо любит Мартын жену — красавицу Василису (К. Ветковская). У них озорная и милая двенадцатилетняя дочка Оленька. Дружная и хорошая эта семья. Случилось так, что когда Мартын был в отъезде, Василиса вместе с середняком Гарасычем (А. Космачевский) решила совместно обрабатывать землю. Деревенские богатеи воспользовались их дружбой, чтобы распространять о них грязные сплетни.

Артистка большого темперамента, К. Ветковская создает сильный, волевой, привлекательный образ. Эта русская крестьянка много повидала на своем веку, немало испытала горя, но не согнулась, сумела выстоять в трудные минуты, не уронила себя в глазах других. Одна из лучших сцен спектакля — «бунт Василисы», когда она бросает вызов старым, темным силам, смело и прямо говорит о своем человеческом достоинстве.

Большая удача и пьесы и спектакля — образ Петра Ивановича Плакуна (К. Гулин). Благопристойный, почтенный человек с седой бородой и тихим, ласковым голосом, мягкий в обхождении — таков Плакун в исполнении Гулина. Это умный и дальновидный враг. Он умеет подобрать ключи чуть ли не к каждому человеку. Доморощенный «политик», он ловко использует обстановку, приспосабливая политические лозунги, по-своему их истолковывая. Бороться с Плакуном нелегко. Поэтому-то столкновения с ним Мартына по-настоящему драматичны и волнующи.

К сожалению, есть в пьесе образы, важные для развития конфликта, но не получившие у автора убедительного разрешения. Таковы Микитка, сельский кузнец, или Панфер, зажиточный крестьянин, середняк Захар и его жена Анисья. Образы эти эпизодические, но они нужны в пьесе, и им следовало бы найти пусть лаконичные, но выразительные характеристики. Автору не удалось в полной мере достичь этого.

«Вечный источник» в Костромском областном драматическом театре имени А. Н. Островского. В роли В. И. Ленина — народный артист РСФСР С. Астафьев. В роли Оленьки — А. Сивакова.

Фото Д. Девочкина.

Наибольшая трудность для коллектива, конечно, заключалась в воплощении образа Ленина. Ленин случайно оказывается в селе, где живут наши герои, — здесь он проводит короткий отпуск, здесь становится свидетелем жарких событий, острых столкновений. Чутко прислушиваясь к тому, что происходит, Ленин старается объяснить людям сущность развернувшейся борьбы и вместе с остальными героями находит правильный выход из создавшегося положения. Такое решение образа драматургом дает возможность передать процесс развития мысли Ленина, показать, что Ленин и народ в неразрывном единстве, у них общие интересы, общие цели. Талантливый актер Костромского театра С. Астафьев хорошо передает простоту и человечность Ленина, его умение расположить к себе людей, заставить любого до конца раскрыть перед ним свою душу.

Вряд ли такой требовательный к себе актер, как С. Астафьев, считает свои поиски в сценическом воплощении образа Ленина законченными. Но и то, что уже сделано, дает возможность высоко оценить его труд.

...Спектакль закончен. Зрители наградили исполнителей и постановщика В. Иванова горячими аплодисментами: спектакль вызывает серьезные размышления, желание поспорить, подумать и о своем месте в жизни.

С особым воодушевлением спектакль смотрит молодежь. И хочется еще раз сказать, как нужны нам сейчас сценические произведения, в которых мы видели бы воплощение славных страниц нашей героической истории, спектакли страстные, взволнованные, воспевающие бессмертную правду ленинских идей. Пусть к близящемуся 40-летию Советского государства их появится как можно больше!

Н. ГРОМОВ

ЛЕСНЫЕ ПЕЙЗАЖИ

В. МЕШКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Нам, художникам-пейзажистам, особенно дорого творческое наследие Ивана Ивановича Шишкина, понятно огромное значение всего, что он создал в искусстве.

Есть художники модные, знаменитые в свое время, окруженные целой свитой поклонников и почитателей их таланта. Но времена проходят, вкусы меняются, модное перестает быть модным, и картины таких художников, некогда вызывавшие бури восторгов, покрываются слоем пыли и забываются навсегда.

Есть и другие мастера — скромные и трудолюбивые, влюбленные в свое дело, не рассчитывающие на эффект и на успех, но имена их живут и после их смерти, а картины, прошедшие испытание временем, приобретают все большую и большую ценность. Таков Шишкин. Недаром Крамской говорил, что «Шишкин — верстовой столб в развитии русского пейзажа, это человек-школа». Поистине это так. Сколько русских художников могут назвать в числе своих учителей именно Шишкина, художников, которые работали уже после его смерти, которые учились видеть и понимать природу, глядя на чудесные картины Шишкина!

Пейзаж — один из самых излюбленных жанров в живописи. У него длинная история, такая же длинная, как история изображения человека. И древние египтяне больше чем пять тысяч лет назад уже изображают — еще наивно и просто — и долину Нила и цветы лотоса, как и греки — свои горы и оливковые деревья, а итальянцы — пейзажи Умбрии или Сиены.

В природе каждой страны своя, неповторимая, национальная прелесть. Возьмите пейзажи голландцев, хотя бы Яна ван Гойена с их тихими, уютными и спокойными уголками, возьмите пейзаж в картинах Джорджоне или Рафаэля или пейзажи художников барбизонской школы. Везде свое, неповторимое, национальное.

И вот Шишкин, с его необозримыми полями золотой пшеницы, бескрайними просторами, могучими хвойными лесами. Его ни с кем не спутаешь, этого большого русского художника!

Сюжеты у него, казалось бы, однообразные. Вот сегодня, например, в журнале печатаются пейзажи, в каждом из которых изображен хвойный лес. Но замечательное достоинство Шишкина в том, что в этих излюбленных своих сюжетах он находит все время новое и новое.

И. И. ШИШКИН. Портрет работы И. Н. Крамского.

Очень тонко он умеет передавать различные состояния природы. Вот, например, солнечная, напоенная ароматным воздухом поляна в лесу — чудесный, тихий и радостный уголок русской природы. Вот колодец у леса, церквушка вдалеке и эта опушка с ручейком, куда водят поить коней, откуда и по грибы ходят. А с другой дороги в этот лес лучше не сворачивать: темнеет дремучая, огромная чаща.

Вот и одно дерево с раскидистыми ветвями — стройная, огромная ель. Как нарисовано это дерево! Так нарисовать мог художник, не только знающий строение и особенности этого дерева, как ученый-ботаник, но и поэт, влюбленный в сказочную красоту природы! Рисовальщик Шишкин был великолепный! Известно, как Репин говорил о Шишкине: «Публика, бывало, ахала за его спиной, когда он своими могучими лапами ломового и корявыми, мозолистыми от работы пальцами начинает корежить и затирать свой блестящий рисунок: а рисунок, точно чудом или волшебством каким от такого грубого обращения автора выходит все изящней и блистательней».

Картины Шишкина замечательны не только великолепным мастерством рисунка и формы, поразительным знанием натуры, безграничной любовью к родной природе, но и умением передать световоздушную среду, напоить пейзажи солнцем и воздухом. За примером ходить недалеко: стоит посмотреть хотя бы «Поляну в лесу». В этом полотне художник сумел передать и теплый воздух летнего дня, и солнечные зайчики, пробивающиеся сквозь густые ветви, и аромат хвои...

Когда смотришь картины Шишкина, сердце переполняет гордость за богатство и красоту нашей Родины, потому что во всех его пейзажах — «Раздолье, простор, угодья, рожь, благодать. Русское богатство!» — как написал он сам на одном из своих рисунков.

Замечательные традиции Шишкина стремятся продолжать наши пейзажисты. Имя его — в числе художников, самых известных и любимых советским народом, отмечающим 125-летие со дня рождения великого русского живописца.

Здесь будет голубое озеро.

Иван ГОРЕЛОВ **Фото А. ГОСТЕВА.**

Специальные корреспонденты «Огонька»

Еще в полдень ехали мы по бронзовым от кукурузных бодыльев равнинам Молдовы, а теперь вот они — рукою подать — Восточные Карпаты. Мохнатой хвойной стеною поднялись до самого неба, безоблачного и прозрачного, как стекло. Дорога уже не лежит натянутой струной, а покорно огибает холмы, испятнанные багрецом поздней осени, крутые отроги песчаников, неглубокие балочки. То вдруг она ринется вниз, перескочит обвитый лозами каменный мостик, а потом осторожненько петляет вверх по склону, как бы вползает в горы, змеится, будто и спешить ей некуда.

Долина Бистрицы угадывается издали. На солнечных склонах предгорий ровные квадраты виноградников, а повыше огнисто пламенеют тополя да зеленой ратью неисчислимо поднимаются к самой щербленой вершине Чахлэу нарядные ели.

Холмы подступают уже к самой дороге. Солнце скатывается за хребет неожиданно, скупо обрызгав позолотой торчащие среди деревьев каменные скалы.

Ущелье становится все уже и уже, и вскоре густая синева сумерек заволакивает тихие окрестности.

А вот над горной расщелиной уже и звезды повисли — крупные, зыбкие, похожие на капли сосновой смолы. И кажется, достаточно слабого дуновения ветра, как они сорвутся и полетят вниз.

Въезжаем в поселок. Машина останавливается у двухэтажного деревянного домика: мы в Биказе. В отдалении слышатся взрывы, вспыхивает синее зарево электросварки, гремят цепи экскаваторов. Значит, там котлован — там строится плотина. Электрические огни цепочкой бегут к цементному заводу, белые трубы которого освещены и, словно маяки, возвышаются в отдалении, бегут к поселку Мэрчень, к подсобным предприятиям. А внизу, ворочая камни, неукротимо шумит своенравная, вольная Бистрица...

— Бунэ диминяца! — слышится за окном утреннее приветствие.

— Бунэ диминяца! Доброе утро! — отвечают чьи-то спокойные голоса.

Уже рассвело. Сизые сугробы тумана сползают вниз и, ворочаясь, тают, оголяя камни, деревья и домики нового городка. На крутом берегу Бистрицы группа школьников — в фетровых шляпках, с рюкзаками. Дети кому-то машут и кричат вразнобой:

— Бунэ диминяца! Бунэ диминяца!

Оказывается, едва лишь поредел туман, как вниз по Бистрице пустились плотогоны. Надо пораньше доставить лес на стройки. Ловко отталкиваясь баграми, обходя камни и пороги, они уводят в долину стремительные плоты.

Тем же дружественным, теплым приветствием встречает нас и заместитель директора строительства Биказской гидроэлектростанции Ион Секара. Он улыбается, протягивает руку, усаживает за большой стол, покрытый чистым полотнищем. Затем достает из папки листочки с цифрами, но, даже не заглянув в них, приступает к рассказу.

— Пятый год идет стройка — с августа 1951 года. Я, конечно, опускаю подготовительные работы. Почти дикое ущелье было. Редкие туристы добирались сюда полюбоваться Бистрицей. По склонам кое-где поселки лесорубов — лачуги — крыша на четырех кольях. А вот здесь, где теперь жилые кварталы, была заповедная королевская земля. Простому смертному не разрешали ногой ступить. А теперь — целый город. Такого грандиозного строительства Румыния еще не знала. Мощность турбин — 210 тысяч киловатт. Место для плотины отличное, давнымдавно народом намеченное.

Легенда говорит, что две сблизившиеся над Бистрицей скалы — окаменевшие великаны, родные братья. Побеседовать будто сошлись, да зарок нарушили... Рассказывают, что крестьянские умельцы не раз чесали затылки, осматривая эти места. «Здесь бы запруду смастерить — здоровенный чигирь поставить можно бы!» — говорили они. И один румынский молодой инженер приметил это место. Тоже давненько, лет пятьдесят тому назад.

Это был инженер Леонида, закончивший в те поры курс обучения в Германии. На крестьянском возке пробрался он к самому истоку Бистрицы. Вызнал, что вода в этой речке будет пениться круглый год: питают ее неисчислимые родники да снеговые источники. А вызнавши, проект написал: каменною уздечкой обратать горную реку и заставить ее служить людям. Он, мечтатель, хотел, чтобы окрест — над поселками лесорубов да виноградарей — загорелись волшебные электрические огни.

Леонида предлагал возвести на этом месте не очень большую плотину — метров 50—60. И здесь же, внизу, построить здание электростанции.

Чиновники государственного ведомства не приняли к рассмотрению этот проект, а богатеи, перед которыми бил челом вступивший на жизненную стезю смельчак, отвечали скептическими улыбками.

— Словом,— заключил Ион Секара,— не нашлось в старой Румынии ни одного доброхотца. Проект инженера Леониды признали «утопическим». А вот теперь народ свободной республики сообща, коллективно воздвигает плотину. И не 60 метров высотою, а вдвое больше. И возводит эту стройку современными машинами и самыми совершенными методами.

То и дело заходят прорабы, инженеры, начальники участков. Телефоны вызванивают разноголосые трели. Чувствуется, что здесь штаб строительства, его сердце.

Диспетчер любезно приглашает нас на стройку.

И вот мы уже в горах. Круто обрываются сизые скалы-близнецы. Внизу — котлован, огромный, продолговатый, густо заселенный техникой.

Вытянув шеи, углубляют дно экскаваторы; гусеничные тракторы раздвигают гигантские камни; снуют грузовики, увозя щебень; поезда подвозят на платформах бетон. Бистрицу оттеснили к правому берегу, и она, сделав крутой излом, покорно идет по неширокому искусственному руслу.

С берега на берег шагнула подвесная дорога, и канаты ее, словно струны арфы, напевно гудят даже при тихом ветре.

Наверху, у перил, стоит пожилой человек в кепи и в легком демисезонном пальто. Он замер как изваяние и с напряженным вниманием наблюдает за тем, что делается внизу. Затем машет кому-то рукой, машет необычно, прерывисто, даже шевелит губами, хотя не слышно ни единого звука. И вагонетка на канатной дороге вдруг замирает, идет в обратную сторону и мгновенно опускается вниз, высыпав в котлован очередную порцию бетона.

Знакомимся. Это начальник участка плотины, старый инженер Николае Чернеску.

Почти тридцать лет строит он на румынской земле. Знает «загадки» каменного грунта и капризы горных рек. И вот, учитывая его солидный стаж, большой опыт и уже не юношеские лета, усадили Николае Чернеску в трест гидротехнических сооружений.

— А я ведь, как вольная птица порхал с места на место. Карпаты, можно сказать, — моя родная стихия. В тресте, признаюсь, было уютненько, чистенько. Но, понимаете, затосковал. Приду утром и все в окошко поглядываю — на небо, на приволье. Тянет к привычному труду, хоть ты что. По-

Молодой гидротехник Соли Каменнцер (слева) и инженер Николае Чернеску наблюдают за укладкой первых кубометров бетона.

С берега на берег шагнула подвесная дорога.

просился у начальства на стройку — предложили повременить. Тогда объявил: «Сердце покалывает — требуется горный воздух». И отпустили. Сердце действительно пошаливало немножко. Вот зимушка моя пришла. — Инженер приподнял кепи. — И не такие механизмы изнашиваются... А здесь я с пятьдесят первого года скачу... Иногда и рысью приходится по горам бегать. И ничего. Кроме шуток, никакого покалывания не ощущаю в области сердца... У нас здесь больше молодежь. А с молодежью надо и самому по-молодому.

Он рассказывает о дочери, которая учится на биологическом факультете, о жене, о том, что они одобряют его решение и чистосердечно благословили на «горную» жизнь.

Николае Черческу вдруг складывает ладони рупором и что-то кричит диспетчеру. Снова подвесная тележка раскачивается маятником и выбрасывает в котлован зеленоватое крошево.

— Да, чуть о главном не забыл сказать. Мы вначале намеревались соорудить арочную плотину: и дешевле и хлопот меньше. Просто не знали «характера» Бистрицы. А потом прикинули, подсчитали. Сделали накидку на половодье и решили, что арочную может смыть. Крепко поспорить пришлось, но решили строить по старой русской пословице: «Дешево да гнило, дорого да мило».

Огромная плотина, утолщенная книзу, надежно перекроет русло горной реки. В ущелье образуется большое озеро, длиною почти сорок километров. Озеро будет наполняться водою несколько месяцев.

Здание гидростанции строится не здесь, а за горою Ботошан. Сквозь гору пройдет бетонированный тоннель длиною 4 860 метров. И за горным хребтом у селения Стежару вода Бистрицы ринется вниз, к турбинам, по двум огромным трубам.

Старый инженер снимает кепку, разглаживает ладонью волосы и присаживается на камень.

— Я строил много мостов, рыл тоннели и по государственным заказам и по заказам частных владельцев. Но такого объема бетонных работ мы, румынские инженеры, еще не знали. И, признаюсь, долго одолевала скрытая боязнь: справимся ли, одолеем? А потом прикинули, сколько у нас друзей, сколько добрых соседей. Клич кликнули, молодежь стала прибывать. Выходит, нет никаких оснований для боязни.

Подходит молодой гидротехник Соли Каменицер. В парусиновой куртке, в синем берете. Живой, энергичный, мечтательный, он долго рассказывает о Новочеркасске, где окончил энергетический факультет. Называет друзей, показывает их письма. Затем, уловив нить нашей беседы, перечисляет:

— Оборудование бетонного завода получено из Советского Союза. Завод дает свыше четырех тысяч кубометров бетона в сутки. Канатную дорогу смонтировали в Германской Демократической Республике. Грузовики прибыли из дружественной индустриальной Чехословакии. Ну разве мы не остановим Бистрицу? «Гуртом хорошо и батька бить», — так, кажется, донские казаки говорят? Дикие стремнины, суровую природу заставим служить человеку.

— О, стройка — это большая школа! Не только природа — люди переделываются. Вы еще не были на участках? Тогда хватит, хватит, пардон. Идите к людям, знакомьтесь — узнаете, кто сооружает наш Биказ. — Николае Черческу поспешно прощается и по витой лесенке спускается в котлован.

Мы были на всех участках строительства: и на плотине, и на расчистке котлована, и в тоннеле. И повсюду — молодежь. Юные лица, задорные глаза с неукротимым творческим огоньком, деловая сосредоточенность.

Многие из них еще совсем недавно были крестьянами, крестьянскими детьми, рыбаками, виноградарями. Союз трудящейся молодежи призвал их на большую народную стройку.

Ион Нисторан работает на плотине четыре года. Он уже бригадир экскаваторщиков. Приехал сюда из Тимишоары. Вырос в семье шахтера. Приехал на год, на два — «счастья в новых краях попытать», как он говорит, — а теперь уже и домик получил от управления и семью давно перевез.

Минер Георге Динеску совсем недавно еще ходил за плугом в селении Стоилешти. Сейчас он сидит перед нами на корточках, перелистывает блокнот и рассказывает о первых днях пребывания на стройке:

— Мы думали, что примут нас холодно, казенно. А здесь — чистые общежития, прекрасная столовая, вечером оркестр играет... Признаться, лучше, чем дома. Ну, когда камень рвали, страшновато первые дни было, а теперь ничто не пугает.

— Есть ли у вас семья?

Георге Динеску смущенно улыбается, смотрит вниз.

— Жечился... Женился, — выдает его тайну сидящий рядом Ион Нисторан. — Здесь нашел, на стройке. Жена его шофером работает. Должен вам сказать, что у парня неплохой вкус. Это не только мое мнение...

Сын лесоруба — плечистый, черноволосый Троян Богдан — вырос неподалеку от города Клужа, в деревне Понорель. В Клуже окончил школу профессионального ученичества, вначале работал по производству цемента, а теперь вот арматурщик. Летом ездил домой в отпуск. У отца еще пятеро детей. И сестры и братья ему завидуют, просятся поехать посмотреть Бистрицу. А его сокровенная мечта — окончить вечерний строительный техникум.

С гор спускается группа топографов. В походных плащах с капюшонами, в резиновых сапогах. За плечами рюкзаки, приборы. У одного большой деревянный штатив.

Девушка в бежевой шерстяной косыночке спешит первой. Поклажа у нее самая мизерная — небольшой узелок в левой руке. На лице еще нескрываемый детский восторг. Увидела, что собираемся ее фотографировать, замахала загорелой рукой.

— Меня одну? Нет, нет, это не реалистично. Всех вместе — вот так! — Она дружески обнимает товарищей, которые выставляют на первый план штатив в парусиновом чехле, теодолит и объемистые рюкзаки.

Кадровые строители минер Георге Динеску (слева) и бригадир Ион Нисторан.

Девушка называет себя — Севастия Бобу. Окончила десять классов. Уже в пятом классе мечтала о горах, которые видела только в кинофильмах. И вот топографы пригласили к себе. Ушла. Прямо-таки убежала: «Ничто не могло меня удержать». Теперь помощник топографа.

Она пристально смотрит на мою скоропись, потом, как бы спохватившись, предупреждает:

— Только вы не пишите, что я «конченый человек», как любит

Севастия Бобу

говорить моя бухарестская подружка. Я потом еще буду учиться. Надо же повидать свою родную землю, очаровательные древние Карпаты, самую жизнь — живую, а подчас и трудную! — словно оправдываясь, говорит Севастия Бобу.

Уже под вечер ехали мы в Стежару — к тому пункту, где выйдет из горы Ботошан сквозной тоннель и будет построено здание гидроэлектрической станции.

Встречные грузовики то и дело «окуривали» нас рыжей пылью. Крестьяне везли сено. Они привставали на возах и смотрели в котлован, где гремела металлом и скрежетала моторами большая народная стройка.

Впереди на дороге — небольшая фигурка. В куцей курточке внакидку, в брюках, на ногах спортивные тапочки. Юноша или девушка?

Фигурка, полуобернувшись, решительно подняла руку. Пришлось затормозить.

— Здравствуйте... Извините... Вы не в Стежару? Туда! Подбросьте, пожалуйста: у меня очень важное задание.

Девушка совсем еще юная, большеглазая и, судя по жестам и по тому, как проворно уместилась она на краешке сиденья, энергичная.

— Вот кочую. Такая, знаете, работа.

— Вы уже работаете?

— Да! Второй год. На этом строительстве.

— Кем же работаете?

— Я фельетонистка: здесь газета выходит — «Строитель гидроцентрали». В Стежару неладно. Позвонил парторг...

Зовут ее Тита Кипер. Она из рыбачьего города Галаца. Там окончила среднюю школу. Потом училась в литературном училище имени Михаила Эминеску.

— Сатирический «талант» мой открыли в стенной газете. Ребята рисовали карикатуры, а я колючие подписи сочиняла. А когда окончила училище, произвели в «фельетонисты». Сюда приехала добровольно. Как реагировала мама? Конечно, возражала. Как и все любящие мамы. В августе была здесь: не выдержала. Вот этот шарфик привезла и свитер Я ее по всем участкам поводила. Даже в тоннеле были. «Страшно здесь,— говорит,— опасно. Но люди хорошие. Такие научат правильно жить».

Тита Кипер легонько дотрагивается до плеча шофера.

— Тут развилка. Вам по левой дороге... Мамы есть мамы. А ведь мне уже двадцать два года — вполне самостоятельный человек. Но и мама теперь успокоилась. Идем, бывало, по дороге, подниму руку — любая машина остановится и подвезет. «О деточка, тебя уважают здесь», — заключила мама. Она, конечно, не ошиблась. Меня не только уважают, но кое-кто из нерадивых даже побаивается

Секретарь парткома Стежарского участка Янку Даскалу рассказывает нам о лучших людях участка, о большом энтузиазме, которым охвачены строители.

Улучив минутку, он отзывает Титу Кипер в сторонку и долго рассказывает ей о чем-то. Глаза его полны гнева, голос грозный, резкий, лицо суровое.

Девушка достает блокнот и что-то поспешно записывает.

А дорогой она пояснила нам:

— Янку Даскалу на работников склада жаловался. Цемент не вовремя доставили. А уже облицовка тоннеля началась. Очень ругался. Завтра сама на склад поеду. Это не первая жалоба. Придется фельетон написать.

Уже в поселке, в темноте, она присмотрелась к каким-то лишь ей известным огонькам и попросила остановить машину:

— Спасибо вам. И извините. Склад еще работает — я побегу.

И скрылась в темноте.

На другое утро на каменном карнизе у застекленной будки канатной дороги завязалась беседа. Оказалось, что инженер Георге Кокош — моложавое открытое лицо, добрые улыбающиеся глаза — тоже окончил Новочеркасский политехнический институт и великолепно говорит по-русски. Машинист кабель-крана Григорий Дрэгой и бригадир Людвиг Мельничук спрашивали нас о гидростанциях горной Армении, а он вполне профессионально переводил их вопросы.

Но было заметно, что и самому ему не терпелось сказать многое, просившееся наружу из самого сердца. И вот, когда вопросы закончились, Георге Кокош широким жестом указал на котлован:

— Скоро здесь будет озеро... Ленинское озеро. Оно будет символом дружбы народов. Мы ведь у вас учимся строить. И дружить учимся у вас. Вот будете в Клуже — там два университета: румынский и венгерский. В Сибиу увидите газету на немецком языке. В Тулче есть русские и украинские школы. Это, как мы понимаем, настоящая дружба народов, какой еще не было на нашей румынской земле.

Потом он показывал рукой, как от Стежару, от турбинного зала, в разные стороны побегут три высоковольтные линии: одна — в Молдову, другая — в горную Трансильванию, третья — к голубому Дунаю.

Мы уезжали по шоссе к озеру Лакул Рошу. И, удивительное дело, в рабочем поселке Додень увидели цветущие осенние палисадники. Особенно много было цветов ипомеи. Она обвивала буквально все: решетчатые изгороди, виноградные лозы, красные, словно вылитые из меди стволы черешен. Розово-фиолетовые рюмочки цветов виднелись даже на черепичных крышах.

— Бунэ диминяца! — громко сказал шофер и кивнул головой в сторону палисадников.

Я пожал плечами: «Кому это он так поздно желает доброго утра?»

— Эти цветы называются по-румынски «Бунэ диминяца». Их сажают новоселы. Есть старинное поверье, что они делают жизнь прочной и счастливой.

Биказ, Румыния.

ВЫДАЮЩИЙСЯ УЧЕНЫЙ

В. М. Бехтерев.

В холодный, морозный день конца декабря 1927 года у гроба 70-летнего академика В. М. Бехтерева выступил председатель ЦИК СССР М. И. Калинин. Он сказал: «Осознание единства науки и социализма и практическое претворение в жизнь этого сознания — вот что является одной из огромнейших заслуг покойного. Академик Бехтерев много помог сближению труда и науки и этим самым укреплению рабоче-крестьянского строя».

Владимир Михайлович Бехтерев, столетие со дня рождения которого отмечает медицинская общественность, посвятил свою жизнь изучению психической деятельности человека, его нервной системы с ее высшим отделом — головным мозгом. Эта отрасль естествознания в последней четверти прошлого века едва начинала развиваться. Познание психики человека казалось невозможным. Происхождение психических болезней человека объяснялось «наитием божьим». Нервные болезни были также мало изучены и не отделялись от душевных.

В. М. Бехтерев, окончив в 1878 году Медико-хирургическую академию в Петербурге, отдал себя изучению этого одного из труднейших отделов естествознания. Его взгляды формировались под влиянием идей Дарвина, на его философское и политическое мировоззрение оказала огромное воздействие революционно-демократическая пропаганда Писарева, Добролюбова, Белинского, Герцена.

Ученый проделал грандиозную работу, проследив проводящие пути в головном и спинном мозгу, то есть те отростки нервных клеток, по которым передается возбуждение. Он уточнил ранее известные пути. Им были открыты в головном мозгу новые скопления клеток — ядра,— центры тех или иных мышечных движений. Книга о проводящих путях головного и спинного мозга, вышедшая в конце прошлого столетия, принесла В. М. Бехтереву, работавшему профессором в Казанском университете, мировую славу.

В. М. Бехтерев был необычайно разносторонним ученым: невропатологом, психиатром, физиологом, психологом, педагогом. Им написано около 600 научных трудов, на совершенно новых началах организованы образцовые лечебницы для душевнобольных, где их не «призревали», как было раньше, а по-настоящему лечили.

С первых дней Советской власти В. М. Бехтерев — в рядах тех ученых, которые решили отдать все свои знания строительству новой жизни. В 1920 году Владимир Михайлович выступил с обращением ко всем врачам мира с призывом протестовать против блокады Советской России. Позже он стал активнейшим членом Ленинградского Совета.

Мих. ЦЕНЦИПЕР

Когда на окраине жаркого Ташкента я увидела огромную зеркальную чашу, поднятую массивной квадратной колонной в небо, мне вспомнился обыкновенный солнечный зайчик. Посмотрите на бульвар, вон на ту девочку, которая сидит на скамейке. Комочек солнца прыгнул на книгу, что у нее на коленях, и больно ударил в глаза. Она рассерженно нахмурилась, ища озорника. А вот он и сам, спрятался за шершавый ствол кряжистого каштана. В руках у него, конечно, зеркальце. Маленькому шалуну не пришла в голову и мысль о том, как дерзка его затея, — он, в сущности, ловит солнце, то самое солнце, которому обязано жизнью все живое на нашей планете. В лучах, которые оно посылает нам, не только свет, но и тепло, огромное количество тепла, способное вызвать огненный смерч. Кстати, это свойство лучей, открытое древними эллинами, используется и сейчас. Тот факел, который по традиции озаряет небо олимпийских игр, зажигается от солнца.

Поймать лучи, использовать их даровую энергию, которую они заключают в себе, — это ли не восхитительная идея? Ведь вот оно, готовое тепло, неиссякаемым, вечным потоком струящееся с поднебесья! Бери его, расходуй, пользуй!.. Запасы топлива на земном шаре ничтожны по сравнению с возможностями солнечной радиации. Все залежи угля содержат энергии столько, сколько солнце дает земле всего лишь за десять дней. Энергия, получаемая от солнца одними песчаными пустынями нашей страны, в 50 раз превосходит ту, которая выделяется при сжигании топлива, добываемого на всей земле. Стоит вдуматься в эти цифры.

Так почему же праматерь земной энергии и земного тепла, лучи самого солнца, знакомые людям с колыбели человечества, до сравнительно недавнего времени совсем не использовались в их прямом виде?

Объясняется это обстоятельствами, заложенными в природе самих лучей.

Сто пятьдесят миллионов километров отделяют солнце от земли. На этой колоссальной трассе солнечных лучей — сравнительно невысокий, но трудно проходимый барьер земной атмосферы. И как ни могуч поток их, у самой земли он не такой, как у истоков: рассеивается, слабеет, становится менее плотным. Чтобы собрать его в мощный пучок, приходится строить громоздкие установки с огромными улавливающими поверхностями.

И еще одно неприятное свойство солнечных лучей: они зависят от капризов погоды, от сезона, от времени суток.

Сегодня использование солнца стало делом конструкторских бюро, научно-исследовательских лабораторий и институтов. В Советском Союзе, Соединенных Штатах Америки, Индии, Франции, Англии, Италии, Японии строятся все новые и новые приборы. В Дели, Аризоне собираются конференции по обсуждению «солнечных проблем». И солнце, улавливаемое человеком, земное, приручаемое солнце, медленно, но все же входит в быт людей, в технику, в энергетику.

Вот что по этому поводу говорит один из крупнейших американских физико-химиков, Фаррингтон Даниэльс: «Если бы ничтожная доля тех усилий, которые были даны атомной энергии, была вложена в исследования по утилизации солнечной энергии, в этом направлении был бы существенный прогресс... В отличие от атомной энергии солнечная энергия не имеет вредных для здоровья отбросов...»

Чем же располагает современная гелиотехника?

...На земле стоит наклонно повернутый к югу прямоугольный плоский застекленный ящик, похожий на тепличную раму. Днище ящика окрашено черной краской. Так выглядит простейший солнечный «прибор». Он работает без топлива и даже без зеркал. Его действие основано на одном из самых элементарных законов физики — свойстве черных тел поглощать лучи и нагреваться. Ящик, если дно его сделать металлическим, можно наполнить фруктами, и перед вами громадная «духовка», печью которой является само солнце. В такой «духовке» великолепно сушатся яблоки, инжир, виноград, овощи.

Вдоль ящика можно проложить металлические трубки и пропустить по ним воду. Нагревшись, вода самотеком подымается кверху, в бачок, и перед вами душ. Он работает без газа, без дров, без угля и без насосов. Что может быть дешевле и проще такого безотказно действующего душа?

А вот ящик с выпуклым днищем. Оно покрыто зеркалом, посередине расположена труба для воды. Это уже настоящий кипятильник. Такие даровые «самовары» — сущая находка для экспедиций, столовых, животноводческих ферм и особенно для чабанов, путешествующих с отарами овец. Теперь молоко можно пастеризировать на месте, прямо на пастбищах.

Знакомство с бытовой гелиотехникой завершим еще одной солнечной установкой. На треножнике, как на штативе фотоаппарата, — параболоидная или сферическая чаша, сделанная из зеркального алюминия. Чаша собирает отраженные солнечные лучи в одну точку, в фокус. В фокусе укрепляется самая обыкновенная кастрюля или чайник. Обогревает их не язык пламени, а небольшой «зайчик» зеркала. И греет этот волшебный «зайчик» ничуть не хуже огня: литр воды превращается в кипяток за 12 минут. С такой производительностью работает 500-ваттная электрическая плитка. В Индии налажено даже массовое изготовление солнечных кухонь.

А что это за установка, напоминающая сфероид с ажурной дугой опоры? Это сварочный аппарат. Он побольше солнечной кухни раза в полтора — два и представляет собой очень точное параболоидное зеркало. Безобидный солнечный зайчик превратился здесь в жгучее, немилосердное жало, расплавляющее даже металл. Оно способно сделать жидким и податливым вольфрам, а температура его плавления — около 3 400 градусов! На таком аппарате за три — пять секунд без ацетилена, без кислорода и без электрического тока лаборант напаивает пластинку из твердых сплавов к стальному резцу. И шов получается прочным и ровным.

Поймано ли солнце?

Г. КУЛИКОВСКАЯ

В Мон-Луи в Пиренеях, где расположена обширная опытная база французских гелиотехников, установлена самая большая в мире солнечная печь. Состоит она из двух зеркал: плоского, воспринимающего лучи и отражающего их на другое, — параболоидное. В этой печи температура так высока, что можно плавить самые тугоплавкие металлы, обжигать керамику, в ней свариваются кварцевые трубы. В печах налаживается получение титана: ведь при помощи солнца можно добыть очень чистые, без примесей, металлы. Сейчас во Франции строится солнечная печь еще большей мощности — на тысячу киловатт.

Не в этих ли установках прообраз металлургии и химии будущего, солнечной металлургии?

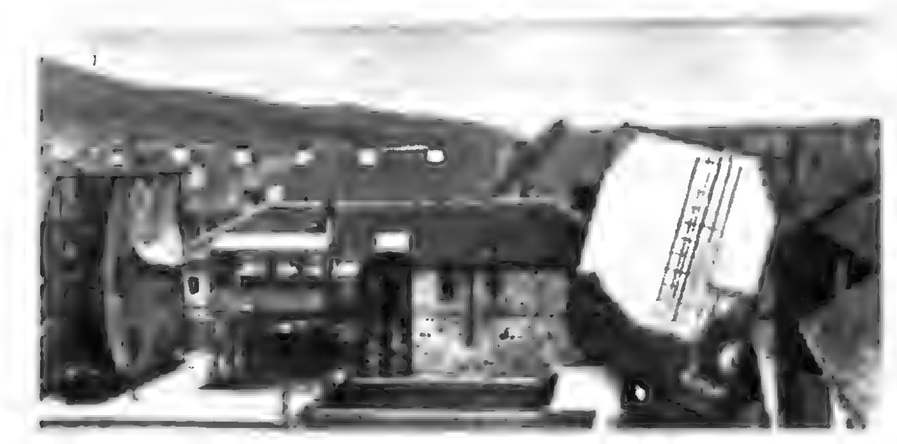
Чем больше чаша зеркала, тем больше энергии собирается в фокусе. Идя по этому пути, инженеры и научные сотрудники Энергетического института Академии наук СССР имени Г. М. Кржижановского построили солнечный паровой котел. Это причудливых форм сооружение, напоминающее чем-то радиолокационную антенну, возвышается над кронами тополей вдоль шоссе Луначарского в Ташкенте. Здесь расположена опытная площадка лаборатории гелиотехники института, возглавляемой профессором В. А. Баумом.

По железной лесенке поднимаемся наверх, в широко раскрытый сверкающий зонт. Диаметр его — 10 метров. Железобетонная чаша выложена кусками обыкновенного оконного стекла, покрытого серебром и приклеенного особым клеем. По краям ее возвышаются двенадцать стальных стержней, поддерживающих трубчатый котел. Один его бок должен все время освещаться «зайчиком», и весь зонт механически поворачивается вслед за солнцем.

В котле вода превращается в пар, который можно использовать и для отопления зданий, и для производства, и для опреснения воды, и для получения льда.

Техник лаборатории А. Бошняк показывает нам холодильную установку, которая находится тут же. Пар, полученный в солнечном котле, проходя по трубкам, нагревает аммиачный раствор. Претерпев ряд превращений, аммиак замораживает воду. Из формочек

Солнечная печь в Мон-Луи.

ванны, все равно как хлебцы из печи, Бошняк достает белые, с иголочками инея, плоские кирпичи. Вот вам готовый лед, рожденный при помощи солнца! За семь часов работы можно получить 280 килограммов льда. Но и это еще не предел.

Сколько же пара дает солнечный котел? Более полукилограмма в час с одного квадратного метра площади зеркала. Около ста тысяч килограммов пара в год.

На площадке находится одноэтажный белый дом — это мастерские лаборатории. Вдоль стен радиаторы батарей обычного центрального отопления. Зимой по ним может циркулировать горячая вода, и в мастерской 18—20 градусов тепла, в то время когда на улице мороз 10 градусов. Летом, наоборот, батареи охлаждаются, и тогда по ним движется вода, несущая спасительную прохладу.

Отапливать или охлаждать мастерские может солнечный паровой котел. В земле зарыта цистерна, своеобразный термос с горячей водой. Пускай дождливым и холодным будет февраль, пусть идет снег в январе, трех — пяти солнечных дней достаточно, чтобы горячей водой из котла наполнить цистерну. И этой воды хватит на целый месяц. В знойные дни среднеазиатского лета в батареи может поступать вода из холодильной машины. Нужно ли говорить, как драгоценна эта прохлада для больниц и клиник, яслей и детских садов и просто для обычных жилых домов!

Многое можно получить от солнечного парового котла, но еще бо́льшие возможности сулит первая в мире солнечная электростанция. Ее предполагают построить в одном из самых солнечных мест Советского Союза—Араратской долине. Здесь использована та же идея, что в большинстве солнечных приборов и установок, — превращение энергии лучей в тепло.

На испытаниях отражателя солнечной электростанции в Араратской долине

Фото В. Джейранова.

Схема действия этой электростанции напоминает нашу солнечную систему со светилом и двигающимися вокруг него по разным орбитам планетами. В центре этой энергетической галактики расположится не источник излучения, а котел. Он воспримет лучи, а вокруг него по концентрическим кругам, как по орбитам, будут двигаться зеркала — отражатели лучей. 1 293 плоских отражателя, смонтированные на 1 293 тележках, пошлют на экран котла 1 293 «зайчика». Из тележек составят поезда-автоматы. Для них на ровной круглой площадке проложат 23 рельсовых кольца.

Котел, мощностью в двести раз больше ташкентского, будет поднят на сорокаметровую башню. Обогреваться должна все время одна сторона, обращенная к солнцу. Кто же обеспечит такое «солнечное» положение этого огромного котла? Автоматы, связанные с фотоэлементами. Как только взойдет солнце, его лучи упадут на фотоэлементы, они включат автоматы, которые и повернут котел. Так же, в унисон с солнцем, автоматы заставят работать и все тележки. Их отражатели должны все время стоять так, чтобы посылать свои «зайчики» на экран котла.

Вода, нагретая могучим солнечным концентрированным ударом из 1 293 «зайчиков», превратится в пар. Температура его достигнет 400 градусов. Пар приведет в действие турбину электростанции. Проектная мощность станции — 1 200 киловатт. В год это даст 2,5 миллиона киловатт-часов электроэнергии, которая может обеспечить поселок в 17 тысяч жителей. Электрический ток приведет в действие насосы, а они откачают грунтовые воды из долины и пошлют их на засушливые поля. Так будет возвращено плодородие десяткам тысяч гектаров земли. Кроме того, станция сможет дать пар для производства льда, для прачечных и бань, для отопления квартир зимой.

1 200 киловатт... Бесспорно, такая мощность не идет в сравнение с электростанциями, которые сооружаются сейчас. Но ведь это первая и опытная солнечная электростанция. Не мешает вспомнить, что первые угольные станции имели мощность в несколько десятков киловатт. А что касается стоимости, то один киловатт электроэнергии обойдется здесь столько же, сколько на угольной станции, отстоящей за двести километров от угольных шахт.

...Недавно из долины Арарата вернулась группа специалистов, испытывавших автоматические устройства отражателя. Первый такой отражатель изготовлен на заводах Еревана. Это громадное «трюмо», поддерживаемое стальными фермами, должно легко и мгновенно поворачиваться, повинуясь приказу оптических приборов и автоматов.

Испытания дали хорошие результаты. Весной начнутся строительные работы...

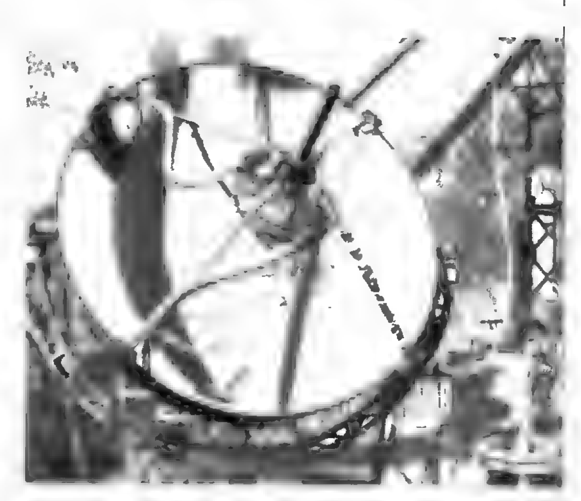
Солнце кипятит, солнце варит, сушит, охлаждает, орошает... Что еще может делать солнце? До сих пор все эти превращения совершались по схеме: лучи — тепло — пар... А можно ли непосредственно перешагнуть через эту ступень — тепло — и сразу получить другой вид энергии — электрическую или, допустим, химическую?

Сама кудесница-природа подсказывает ответ: это в ее лабораториях творятся подобные чудеса. Лист, обычный зеленый лист,— вот чародей и маг. Под действием солнечных лучей из воды и углекислоты он вырабатывает сложные органические вещества, богатые энергией. Может быть, имеет смысл выращивать растения такие, которые больше всего и лучше всего аккумулируют солнечную энергию?

А нельзя ли создать искусственные химические аккумуляторы энергии? Копируя фотосинтез, ученые пытаются вызвать подобные реакции из неорганических веществ. Но это пока почти не тронутая «целина» науки. И если человек не овладел секретом превращения солнечной энергии в химическую, то он уже получает из нее электричество. Созданы фотоэлементы, которые под действием лучей вырабатывают ток. Еще недавно их коэффициент полезного действия не превышал двух процентов. Года три назад он был поднят до пяти, а по последним данным, в кремниевых фотоэлементах уже преобразуется в электричество до 11 процентов пойманной энергии лучей.

За рубежом существует опытная линия телефонной связи. Работает она без обычных источников тока. На столбах — коробочки с фотоэлементами. Полупроводниковые элементы превращают солнечные лучи в ток. За день они успевают зарядить маленькие аккумуляторы и на ночь. Правда, по отзывам специалистов, эта линия пока дорогая, что зависит от стоимости самих полупроводников.

Все в той же лаборатории под Ташкентом мне показали небольшой, с корзинку подсолнуха, металлический диск, насаженный на круглый стержень. Это первый советский термоэлектрогенератор — прибор, превращающий энергию солнечных лучей в электричество при помощи термопар — спаянных металлических пластинок. В Институте полупроводников Академии наук СССР создаются более мощные термоэлектрогенераторы. Они будут работать от большого зеркала. Сейчас еще рано говорить, во что выльются эти опыты. Впереди трудный и долгий путь поисков и совершенствований.

Термоэлектрогенератор, установленный в параболическом зеркале на опытной площадке в Ташкенте.

От нагревательного ящика до солнечной электростанции и термоэлектрогенератора — как будто не так уж беден арсенал гелиотехники сегодняшнего дня. Но беда в том, что завоеванное крайне медленно получает право на жизнь. Солнечную энергию имеет смысл использовать в тех районах страны, где количество солнечных дней не менее 180—200 в год. Таких районов немало: республики Средней Азии, Кавказ, Кубань, Крым, юг Украины, Молдавия. Уже сейчас могут широко применяться солнечные кухни, водонагревательные и сушильные установки, иногда солнечные паровые котлы, солнечные водоопреснители. Их производство без особого труда могла бы освоить наша промышленность. А между тем количество действующих солнечных установок исчисляется единицами.

Даже лаборатория по использованию энергии солнца Энергетического института, труды которой снискали всеобщее признание зарубежных ученых, не располагает хоть сколько-нибудь удовлетворительными условиями для экспериментальной работы. И не в этом ли кроется причина некоторого ее застоя? Хотя по стажу это — одно из старейших научно-исследовательских центров по гелиотехнике, оно по темпам изысканий и масштабам начинает отставать от более молодых родственных учреждений Запада.

Опытная площадка лаборатории в Ташкенте ютится на крохотном участке земли, стиснутом грудами ящиков, бочками, кирпичом и просто строительным мусором. Лет десять назад ей был предоставлен небольшой участок на задворках консервного завода. За это время здесь было создано и испытано до двадцати установок. А им негде разместиться. Стоят они друг под другом, заслоняя порой друг от друга даже само солнце.

...Охота за солнечным лучом продолжается. Нет, сегодня он еще не пойман, и люди ищут способы, чтоб его удержать. Но он может быть пойман. Он должен стать ручным и послушным, чтобы надежно и верно служить человеку. Пусть только первые шаги совершает солнечная энергетика. Ее ожидает большое будущее.

„ТАКОЙ БОЛЬШОЙ, НАСКВОЗЬ РУССКИЙ"

Ник. КРУЖКОВ

1

«У этого лукоморья, если бы подняться вверх, был такой вид, как будто от гор к морю врассыпную ринулись белые дома и домишки, а горы за ними гнались. Около моря перед пристанью домишки столпились, как перед узкой дверью»...

Так начинается роман-поэма Сергеева-Ценского «Валя» — описанием Алушты, маленького крымского городка, где вот уже полвека живет Сергей Николаевич Сергеев-Ценский — прекрасный русский писатель, человек, в высшей степени примечательный, в котором мудрость 80-летнего старца сочетается так ярко с юношеской живостью ума, с неувядаемой силой и таким темпераментом, которому, право, можно позавидовать.

Поэтическое описание Алушты, сделанное рукой художника, сразу вспомнилось мне, как только мы перевалили через горы и оказались у синего моря — холодного по-зимнему и яркого по-летнему — и когда перед нами возникли алуштинские дома и домики, и впрямь бежавшие со всех ног к берегу, толпясь и скучиваясь, словно за ними гнался какой-то исполин.

С гор тянуло пронзительным ветерком, но солнце было крымское, южное, и, спрятавшись от ветра, можно было греться в солнечных лучах, хотя стояла середина декабря — вполне зимняя пора.

Дачу Сергеева-Ценского не так-то легко найти: гнездо свое Сергей Николаевич устроил по-орлиному — выше других. Объясняется это не только тем, что хотелось писателю жить в уголке укромном, но и тем, что земля на скате горы до революции стоила в сто раз дешевле, чем на берегу, — скат был гол, каменист. Мог он радовать глаз лишь тем, что отсюда открывался великолепный вид на море с его просторами, настолько широкими, что действительно невольно хотелось взмыть по-орлиному и, взмахнув крыламии, унестись в манящую бескрайнюю даль. Скат этот сейчас (через 50 лет!) разделан и обработан на диво, окружен красавцами-кипарисами, полон персиковыми и абрикосовыми деревьями, виноградом, а весной и летом весь пылает ярью цветов; на всем дачном участке лежит печать забот хозяина рачительного и доброго, который не жалел рук и сил для того, чтобы сделать отрадной свою писательскую мастерскую.

Но пока мы добирались к даче Ценского, все думалось: как же он выглядит сейчас, академик и славный писатель земли русской? Ведь 81 год — возраст далеко не шуточный. Не увидим ли мы перед собой согбенного старца, с потухшим взглядом, уставшего от жизни? Вспоминалась еще с юношеских лет большая фотография писателя, висевшая в доме моего отца и изображавшая могучего человека с буйной шевелюрой, которую явно не расчешешь никаким гребешком, с гигантскими черными усами и широкими плечами, в развороте которых чувствовалась сила, способная сокрушить дуб. «Кто это?» — спрашивали мы отца. «Писатель Сергеев-Ценский», — отвечал он нам. «Ну да!» — не верили мы. Писатель в тогдашнем нашем представлении должен был быть существом тонким, деликатным, эфемерным, а этот силач явно не устраивал нашу фантазию. Вспоминались и последние портреты Сергеева-Ценского — крона седых волос, запорожские усы, смелый поворот головы, по-юношески распахнутый ворот рубашки, — но ведь кто знает, фотография подчас бывает обманчива!

Вот наконец и дача — небольшой дом с длинной террасой-«шагальней», как назвал ее когда-то Куприн за то, что хозяин любил вышагивать по ней, обдумывая судьбы своих героев. Старый Джон — пес-овчарка — встретил нас с неожиданной приветливостью, замахал хвостом, залаял и доложил хозяину, что гости прибыли.

А вот и сам Сергей Николаевич — статный, красивый старик, высокого роста, точь-в-точь, без ошибки, как на последних своих портретах — с седой гривой волос, может, и не столь буйной, как в молодости, но вполне обстоятельной, с седыми усами, прячущими добрейшую стариковскую улыбку, прямой, отнюдь не согбенный; рукопо ќатие его сильно, молодо. Восемьдесят один год? Невероятно! Шестьдесят пять — куда ни шло! — больше дать невозможно. На нем домашняя курточка — светлая, с голубыми полосками; в ней он работает дома и разгуливает по саду, не боясь алуштинских зимних ветров, не укрывая головы — «и так тепло!» Ему всегда тепло, восемьдесят лет своих он не чувствует вовсе: жизненных сил в нем еще столько, что, несмотря на свой возраст, он работает поистине не покладая рук. Многие из наших московских литераторов, томящих себя многочасовыми дискуссиями и заседаниями, бесчисленными хлопотами и городской суетой, диву бы дались, увидев, как много и плодотворно трудится этот человек — по 8—10 часов в день, исписывая своим ровным и четким «учительским» почерком тетрадь за тетрадью. Пишет он всегда без помарок, письменная речь его льется ровно и легко, мысль ложится на бумагу точно, образы, поэтические сравнения, метафоры и краски, составляющие яркую особенность его всегда поэтизированной речи, возникают как бы непроизвольно, без всякого видимого напряжения. Утром обязательно несколько восьмистиший — это своеобразный дневник поэта, в котором он делится своими мыслями. Тут и отзвуки на международные события, рассуждения о литературных и общественных проблемах нашей страны — все найдете в дневнике писателя. Пристально следит он за всем происходящим на свете — ничто не ускользает от его [illegible]

Днем Сергей Николаевич работает над эпопеей «Преображение России». Замыслы писателя широки: еще предстоит создать романы и повести «Зрелая осень», «Долой царя», «Март в Крыму», «Приезд Ленина», «Июль» и «Великий Октябрь».

Надо ощущать себя обладателем истинно богатырской силы, чтобы в 80 лет установить такую перспективу, и не только установить, но и следовать ей с упорством и настойчивостью.

Христина Михайловна, жена писателя, вот уже 37 лет делящая с ним радости, горести и тревоги, говорит:

— Часто бывает так: глухая ночь, а Сергей Николаевич пишет. Скажешь ему: «Сергей Николаевич! Да пожалейте вы себя!» Куда там! Упрям, ничего не могу с ним поделать...

2

Удивительная память у этого человека! Большая жизнь встает в рассказах писателя о себе во всех деталях, во всех подробностях, кажется, ничто не ускользает от этой цепкой, живучей памяти...

В молодости своей Сергей Николаевич исколесил много длинных дорог, жадно впитывая в себя запахи жизни, говор народа, красоту родной земли. Избегая записных книжек, вступая в непосредственное общение с жизнью, он все свои впечатления держал в голове и в сердце, составив сокровищницу тонких, острых и глубоких наблюдений.

В повести-поэме Сергеева-Ценского «Движения», по необычайной силе своей не уступающей толстовской повести «Смерть Ивана Ильича», есть такие строки: «...На десятки верст кругом стояла эта странная, может быть, даже и страшная, мягкая во всех своих изгибах, иссиня-темно-зеленая, густо пахнущая смолою, терпкая хвойная тишина».

Тишина — терпкая, мягкая, иссиня-темно-зеленая, хвойная! Конечно, эта фраза способна вызвать возражения со стороны ревнителя «чистой» прозы, но сколько здесь тонкого изящества, а главное, сколько истинной правды! Да, конечно, именно такую тишину ощущаешь, когда входишь под сень бескрайнего хвойного леса!

Сельский кузнец переделал старую винтовку на охотничье ружье и в восторге от своего создания выжег на прикладе витиеватую фразу: «Се гут, се бон, се баланю́ка, се Лондо́н, се кузнец Иван Коваль». Не выдумано все это, а подсмотрено верным глазом писателя и, введенное в качестве малой детали в «Сад», подцветило все какой-то особой краской.

Недаром Куприн, познакомившись с Сергеевым-Ценским, приветствовал его именно этими сло[illegible]

— Се гут, се бон, се балаба[illegible]...

Как истинный художник, Сергеев-Ценский любит краски природы, жизни, различает их переливы, тонкости, оттенки, любуется ими. Его перо, подобно кисти живописца, всегда точно передает причудливую гамму красок: «Снега лежали палевые, розовые, голубые»... «Тимофей рядом со мною, весь переливисто сияет. Ярко золотится на нем широкий соломенный бриль, парусиновый рабочий пиджак, белая жилетка и брюки — все заляпано цветными полосами и пятнами, как палитра»...

Недаром Сергея Николаевича очень любил Репин.

Сергеев-Ценский всегда с нежностью вспоминает о Репине, и когда рассказывает о нем, то воодушевляется и весь начинает светиться внутренними лучами.

— А познакомились мы своеобразно, — говорит он. — Жил я на даче в Куоккале, знал, что неподалеку живет Репин, но не был с ним знаком. Однажды вечером при керосиновой лампе я сидел за своим столом и писал на верхнем этаже в единственной комнате, которая отапливалась, как вдруг донесся до меня кошачий концерт снизу. Совершенно возмущенный котами, я выскочил из своей комнаты, держа лампу в руке.

— Ах вы, окаянные черти! — кричал я, стараясь осветить лампой места схватки котов, и... увидел Илью Ефимовича Репина рядом с закутанной в теплый вязаный платок его женой.

Илья Ефимович, в распахнутой меховой шубе, снял шапку и проговорил несколько как будто сконфуженно:

— Простите великодушно! Мы думали, что попали к Корнею Ивановичу Чуковскому!

Еще раз извинившись, Репины ушли, а я вошел к себе в полном смятении чувств. Из этого состояния вывел меня Чуковский, который не больше как через пять минут появился у меня, пальто внакидку:

— Что это вы кричали на Илью Ефимовича? Пойдемте со мною, вместе, — извинитесь.

Я, конечно, пошел и увидел, что Репин очень весел. Встретил он меня патетически: «Босоногим мальчишкой бегал я по Чугуеву — никто на меня так не кричал; в школе учился — никто так не кричал; в Академии художеств занимался — никто не кричал; сам

академиком стал — никто не кричал!». Тут я его обнял, и мы оба повалились на диван...

3

Сам взыскательный художник, Сергеев-Ценский очень требователен к другим.

— Вся проблема литературы сводится к двум вопросам: **что** писать и **как** писать, — говорит он. — И если наша современная литература на первый вопрос отвечает, в общем, правильно, — иначе говоря, многие литераторы наши знают, **что** писать, то перед вторым вопросом, **как** писать, некоторые литераторы, увы, пасуют. Слово надо любить, знать, чувствовать, ощущать всё его запахи. Учиться надо у народа, народный язык — неисчерпаемая сокровищница. Глаз у писателя должен быть зорким, ухо таким же восприимчивым к речи, как у музыканта к песне, а память должна быть цепкая, твердая. Памятью надо умело пользоваться и распоряжаться ею по-хозяйски, разумно. Кроме того, каждый писатель обязан обрести свой собственный голос. У нас сейчас многие пишут под Чехова. Писать под Чехова легко, а стать Чеховым трудно.

Сергеева-Ценского очень любил и высоко ценил Горький. Еще в 1912 году в письме к литератору Недолину Горький писал: «О Ценском судите правильно: это очень большой писатель; самое крупное, интересное и надежное лицо во всей современной литературе».

Двенадцать лет спустя, получив от Сергея Николаевича «Валю» (1-я часть эпопеи «Преображение»), Горький немедленно написал Ценскому:

«Прочитал «Преображение», обрадован, взволнован — очень хорошую книгу написали Вы, С. Н., очень! Властно берет за душу и возмущает разум, как все хорошее, настояще-русское. На меня оно всегда так действует: сердце до слез радо, ликует: ой как это хорошо и до чего наше, русское, мое... Читаешь как будто музыку слушая, восхищаешься лирической, многокрасочной живописью Вашей, и поднимается в душе, в памяти ее, нечто очень большое высокой горячей волной»

Жил в это время Горький в Шварцвальде, во Фрейбурге, лечился от туберкулеза, и книга Ценского донесла до него, находившегося на чужбине, правду родной русской жизни.

Вторую часть «Преображения» — роман «Обреченные на гибель» — Горький получил от Сергея Николаевича на Капри, в Сорренто, в 1927 году.

И Горький написал Ценскому:

«Был день рождения моего, гости, цветы и все, что полагается, и я затворился у себя в комнате, с утра до вечера читал «Преображение» и чуть не ревел от радости, что Вы такой большой, насквозь русский, и от жалости к людям, коих Вы так чудесно изобразили».

Когда в 1928 году Горький приехал в Крым, он первым делом отправился в Алушту повидаться с Сергеем Николаевичем, но, увы, не нашел его: как и сейчас, дача Ценского, обсаженная кипарисами, была неприметна с виду, укрыта от глаз. Встреча произошла через день в Ялте, в гостинице «Марино».

— Ехал я в Ялту с большим волнением, — рассказывает Сергей Николаевич: — как встретимся? Как глянем друг другу в глаза?.. Даже сердце билось усиленно.

Поднимаюсь по лестнице на второй этаж и вижу: вот он, Горький, стоит в окружении своих спутников. Увидел он меня, сбежал с лестницы, обнялись мы с ним, поцеловались и — что греха таить — оба всплакнули.

«Человек, писавший мне такие взволнованные и волнующие письма, человек совершенно исключительные не только по своему яркому гению, но и по огромнейшему влиянию на окружающих, с юных лет моих притягивал меня к себе и притянул, наконец, вплотную», — пишет Ценский в своей статье «Моя переписка и знакомство с А. М. Горьким»...

С. Н. Сергеев-Ценский.

Фото Н. Козловского.

4

Большую и сложную жизнь прожил Сергей Николаевич Сергеев-Ценский, и не всегда ровен и легок был его жизненный путь. Всякое бывало на этом пути. В 1921 году, после гражданской войны в разоренном Крыму начался голод, пришлось Сергею Николаевичу жить плодами хозяйства своего: писательский труд в эту пору не кормил.

— Эй, молошник, молошник, иди сюда! — говорили жители высокому человеку с копной буйных волос на голове («из собственных каракулей», по замечанию Репина), развозившему молоко.

Свой участок «со всеми угодьями» Сергей Николаевич едва не продал... за 4 пуда муки. Но цена эта показалась покупателям слишком дорогой.

Да не только материальные невзгоды и трудности мешали писателю. Еще в большей степени терзали его душу разные недоброжелатели и завистники. Странно представить себе, но от фактов не уйдешь: немало лет писатель был окружен своеобразным «заговором молчания», когда об алуштинском «отшельнике» не писали ни слова, как будто он не существовал. Бывало и так, что писателю, словно он был никому не известный новичок, приходилось «пробивать» свои книги в издательствах, где весьма кисло смотрели на Сергеева-Ценского, который якобы устарел, вышел «из моды». «Севастопольская страда» — великолепная историческая эпопея — некоторыми критиками была встречена с оскорбительным недоброжелательством. Это та книга, которая в годы Отечественной войны воодушевляла советских воинов, давала им примеры воинской доблести, служила делу победы.

Как говорится, кто старое помянет, тому глаз вон, но, тем не менее, и до сих пор еще не зажили душевные раны в сердце писателя, и, когда он рассказывает об этом, явственно ощущаешь затаенную горечь.

И все это обидно вдвойне потому, что народ по-настоящему любит Сергеева-Ценского и книги его идут нарасхват. Каждый день почта доставляет ему письма со всех концов страны, и в письмах этих светится большая любовь читателей к художнику слова.

«Многоуважаемый Сергей Николаевич, — пишет ему сельский библиотекарь Глазунов из с. Коробино, Калининской области. — Быть может, письмо дойдет до вас, и вы откликнетесь на мою просьбу. Я работаю в сельской библиотеке 6 лет, и мне всегда бывало радостно за того писателя, на книги которого самый большой спрос. И особенно приятно за вас, потому что ваши книги пользуются особенно большим спросом. Но у нас не осталось ни одной вашей книги. И нигде я не могу их приобрести. Просил знакомых в Москве — те тоже не могли достать. И вот я удивляюсь — неужели нельзя издавать хорошие книги большими тиражами, чтобы они доходили до села! А то ведь просто обидно получается: столько желающих на книгу, а ее нигде не купишь. Сергей Николаевич! Если у вас есть возможность, то пришлите, пожалуйста, хотя бы одну вашу книгу, особенно нам нужна «Севастопольская страда». Желаем вам долгой жизни и хорошего здоровья».

Это одно из сотен писем, взятое наугад. Пишут ученые, врачи, геологи, колхозники, рабочие: из Магадана и Воркуты, из Епифани, из родного писателю Тамбова, из Иркутска и Архангельска — отовсюду, где живут люди, любящие родную речь, русское родное слово и писателя — певца русской жизни Сергеева-Ценского.

5

Размеренно и тихо течет жизнь на даче писателя — строго по заведенному обряду, как и положено у старых людей.

В 7 часов утра все встают — «кто рано встает, тому бог подает». Зимой хлопот меньше, летом больше. Да и действительно отрадно покопаться в саду: крымский воздух чист, свеж, целебен. Хозяин садится за стол, пишет каждый день: без труда день пуст.

Всем распорядком жизни ведает Христина Михайловна, жена писателя. Ей 67 лет, но она полна энергии и бодрости. Христина Михайловна не только хозяйка, она и друг, и советчик, и первый читатель, и непременный и постоянный секретарь Сергея Николаевича.

— Я только пишу, — говорит Сергей Николаевич, — а все остальное делает Христина Михайловна. Без нее я, пожалуй, и не мог бы писать.

Обращаются они друг к другу на «вы», по-старомодному:

— Вы, Сергей Николаевич...

— Вы, Христина Михайловна...

Тишина, покой на даче у писателя. Дом расположен на горе, шум моря слышен здесь только в яростную, штормовую погоду. Ветер с гор как бы обходит стороной и дачу и сад — даже зимой можно погреться на солнышке. В одном из уголков сада стоит кресло; если сесть в него и посмотреть на море, — громадные просторы откроются глазу, не объять их, не охватить! Писатель любит сидеть здесь: великолепные кипарисы, как на параде, выстроились стройными рядами, море стелет голубые свои воды, внизу белеет чистенький курортный городок — тишина нисходит на душу, рождает хорошие мысли, круг привычного уклада жизни успокаивает, вселяет силу.

Старость? Да, старость. Но старость мудрая, светлая, ясная, которой можно только позавидовать.

В поэме «Печаль полей» описан Ценским дед Ознобишин, «здоровенный, широкоплечий, не поддавшийся и восьмидесяти годам времени: просквозили как-то через его тело эти года, ни за что не зацепившись»...

Вот так хочется сказать и о самом Сергее Николаевиче. Былинной силой веет и от него самого и от его книг; жизнь нашего народа, трудная и мужественная, правдиво встает с их страниц во всей своей духовной красе. За правду и честность любит народ старого писателя — «такого большого, насквозь русского», — за поэтическую живописность его речи, за чистую и высокую любовь к Родине, которой проникнуты его произведения...

Алушта.

«Власть тьмы» Л. Н. Толстого. Митрич — народный артист СССР М. И. Жаров. Анютка — К. Е. Блохина.
Фото А. Гладштейна.

Новое рождение пьесы

«Власть тьмы» в Малом театре

Вл. ПИМЕНОВ

Пьеса Льва Николаевича Толстого «Власть тьмы» уже давно не ставилась в наших театрах. Воплощение на сцене этого произведения, сложного по идейному замыслу, по глубине характеров, по богатству содержания, требует не только сильной режиссуры и хороших актеров. Известно, что много своеобразного и яркого внесли в сценическую историю драмы Толстого великие русские актеры Савина (Акулина), Стрепетова (Матрена). Но без раскрытия противоречий между Толстым-художником и Толстым-моралистом, сказавшихся и во «Власти тьмы», без понимания всего жестокого реализма этого широкого и социально-наполненного изображения народной жизни спектакль просто немыслим. Не случайно так резко критиковал Станиславский свою постановку «Власти тьмы» за то, что глубокое раскрытие эпохи и характеров во многом было подменено этнографически точным воссозданием картин русской деревни.

Тем интереснее почин московского Малого театра, режиссера Б. Равенских, актеров, взявшихся за эту постановку.

Марина — Ю. И. Бурыгина

Власть тьмы в русской дореволюционной деревне, говорит театр, не есть вечное, неотъемлемое явление. Ошибки, заблуждения и даже преступления этих рабочих, сильных людей вызваны невыносимыми условиями их быта. Желая что-то изменить и улучшить в своей жизни и не зная другого пути, они несчастны, несчастны глубоко и мучительно даже тогда, когда к ним приходит купленное кровавой ценой богатство. Богатство не нужно Никите, Митричу, Марине, Акиму, Анютке. Оно и не успокаивает страшных мук греховной совести и не становится истинной целью жизни. Так, из абстрактных морально-этических категорий театр переключает страдания героев в план общественный, в план социальный.

Режиссер и актеры видят идейный смысл спектакля в словах Акима: деньги не принесут человеку счастья, и не из-за того только, что добыты они нечестным путем. Несправедливо само разделение на бедных и богатых. Именно оно, это разделение, говорит театр, и губит людей и мешает им жить честно, радостно.

Толстой не мог изобразить и не изобразил борьбы людей с властью тьмы, он не увидел тех сил, которые могут развеять тьму, уничтожить ее навсегда. Он пытался найти выход в обращении

Никита — заслуженный артист РСФСР В. Д. Доронин.

человека к богу, в отказе от губительных земных страстей. Но театр вступает в спор с Толстым-моралистом, используя для этого точное, разящее слово великого художника, его ясное видение общественных пороков и социальных язв.

Прекрасный актерский ансамбль действует в этом спектакле, покоряющем не только драматизмом, но и верой в духовную силу русского человека. Единый замысел режиссера отчетливо и точно звучит в каждом актерском исполнении, в каждой детали постановки.

Мы и раньше знали И. Ильинского — великолепного актера, создавшего целую галерею незабываемых художественных образов. Но в спектакле «Власть тьмы» талант актера раскрылся по-новому. Во многом отказавшись от бытующего представления об Акиме как об олицетворении философии непротивления злу, как о своеобразном проповеднике, взывающем к примирению с богом, Ильинский вышел на сцену живым, страдающим человеком, бедным крестьянином, который думает не о небесном, а об очень земном — о лишних трудовых руках в хозяйстве, о лошаденке и о том, на

Матрена — народная артистка РСФСР Е. М. Шатрова.

какие деньги ее купить, о реальных сегодняшних бедах, о беспросветной своей нищете. Надо жить «по-божьи», твердит он, но бог для Акима-Ильинского — это совесть человека, она в душе каждого. Именно совесть не позволяет человеку обидеть сироту, убить ребенка, обмануть женщину. Аким по натуре пассивен, и все же его влияние и обращает Никиту к людям, рядом с которыми только и можно одолеть страшную власть тьмы.

Образ Никиты — одаренной, страстной, мятущейся натуры — большая удача артиста В. Доронина. Талант Никиты-Доронина виден во всем: и в его крепких и ловких руках, и в любви к песне, и в том, как тянутся к нему окружающие люди. Никите плохо, скучно в богатстве, мучительно ищет он чего-то иного. Сбитый с толку, завороженный силой и властью денег, он ни на минуту не успокаивается, не находит счастья. И в пьяном угаре, и в хмельном разгуле, и в жестоких схватках с женой мы все время видим его беспокойный, тоскующий взгляд; его глаза загораются радостным светом только в последней сцене, когда он рассказывает о своих грехах народу. Доронин не только сочувствует своему герою, он и осуждает его, сильного, умного, но слепого человека, не знающего, куда приложить силы, как бороться со злом в других и в себе. Сатирические краски, найденные местами актером, никак не лишают этот образ страстного драматизма и, скорее, углубляют сценическую характеристику Никиты.

Выразительно рисует актриса Е. Шатрова характер старухи Матрены. Ее Матрена — любящая мать, она болеет душой за сына, хочет ему лучшего, а хорошее, по ее убеждению, заключено в одних только деньгах. И для того чтобы добыть их для Никиты, она готова и на ложь и на убийство. «Это обыкновенная старуха, умная, желающая по-своему добра сыну, — писал Толстой. — Темные дела делаются, по ее мнению, всеми: без этого невозможна жизнь».

Просто и спокойно делает самые страшные дела Матрена-Шатрова. На лице ее как бы застыла обычная ласковая улыбка нищей крестьянки, привыкшей угодливо улыбаться богатым. И с этой улыбкой, с простенькой бытовой скороговоркой на устах она дает яд, закапывает в землю только что родившегося ребенка, учит, как обмануть жениха, и т. д. В таком решении образа Матрены еще сильнее и ярче звучит тема власти тьмы. Но зритель понимает: изменить условия убогой и нищей жизни такой Матрены — значит изменить и ее характер, обратить ее волю на другое.

Сильное впечатление оставляют в спектакле и мучительно переживающая свою трагедию Анисья — О. Чуваева, и, казалось бы, отошедший в сторону от людской суеты, ненавидящий ложь и богатеев работник Митрич — М. Жаров, и удивительно искренняя и целомудренная Анютка — К. Блохина, и тупая, но пробуждающаяся к добру Акулина — Э. Далматова.

И, быть может, в одном стоит упрекнуть режиссера Б. Равенских и художника Б. Волкова. Стремясь воплотить в спектакле не только власть тьмы, но и тему нарождающегося, разгорающегося света, они кое-где потеряли чувство бытовой достоверности. Мы видим порой какие-то условно-пейзанские, а не крестьянские одежды, приглаженные деревенские пейзажи. Особенно это чувствуется в последних сценах.

Спектакль, как нам кажется, перегружен вставными музыкальными номерами, не всегда помогающими раскрытию характеров, а иногда попросту мешающими слушать слово Толстого.

Аким — народный артист СССР И. В. Ильинский.

Но какие бы еще недостатки мы ни нашли в постановке, спектакль этот, бесспорно, победа Малого театра, давшего новую жизнь замечательному творению Толстого и сказавшего свое свежее слово о старой русской деревне.

Сырьевой двор Пушкиногорского льнозавода.

Голубая кудель

Василий ТИТОВ

Фото А. Гостева.

I

— Лен, ленок, кудель-льняночка — сколько ласковости-то в этих словах! Хочет у нас хороший семьянин сказать о дружной семье своей — так говорит: у нас лен не делен, полотна не резаны! А коли хочет хлебороб у нас выразить надежду на урожай, он не о хлебе, а обо льне говорит: был бы ленушко высок, будет брага и кусок. Лен, лен — все у нас лен! Лен — древнее, незапамятное богатство псковской земли.

Так говорил мне мой спутник по автобусу, директор первой Пушкиногорской МТС Александр Иванович Шевченко. А по полям уже шла глубокая псковская осень. Александр Иванович беспокойно поглядывал на поля, что справа и слева от дороги открывались перед нами за окнами машины, и заметно волновался.

Но, несмотря на то, что люди в автобусе говорили об осенних делах, несмотря на то, что дикие гуси уже летели на юг, в полях всюду, куда хватал глаз, еще стоял лен.

Да и день назад, когда московский поезд не добежал еще и до реки Великой, псковская земля с самого рубежа начала показывать сразу свое богатство. К полотну дороги подкатывались неоглядные луговые стлища, и были те стлища похожи на щедро и раздольно брошенные в луга золотые, тканные в тысячу дорожек рядна да веретья. А то, подбоченясь, словно молодайки в дубленых полушубках, на поезд поглазеть выбежали, разворачивались на полях до самого окоема танцующими рядами крутобокие «бабки» из порыжевших льняных снопов, и над ними в выцветшем сером небе кружились играющие одинокие воро́ны. И было непонятно, почему лен, несмотря на то, что уже октябрь дохнул «осенним хладом», оставался в поле, лежал в изобилии на стлищах, стоял в красиво расставленных «бабках», а не был убран, обмолочен, свезен на льнозаводы, уложен под укрытия...

Полный люда и поклажи, степенный городской автобус вышел из Завеличья, почти от древних стен Псковского кремля, и покатился по дороге. Остался позади маленький городок Остров, уже близко где-то была Опочка. Потом автобус повернул в сторону, и с высокой хребтины новой дороги открывались Пушкинские горы с белым древним Святогорским монастырем, и слева блеснула Сороть, а за нею на горе дремал Михайловский бор. И псковская земля будто бы еще шире развернула напоказ льняные свои сокровища. Лен в спешке, без оглядки собирали со стлищ, вязали в снопы, везли в машинах, на возах, на санях-волокушах, прицепленных к тракторам. А местами мы видели, как лен стоял еще на корню с потемневшими от дождей головками-бубенчиками.

— И сколько же его, красавца, нонче повыросло! — воскликнул кто-то позади.

— Сила! Больше чем до полутора метров вымахал местами. Теребилки да комбайны не берут.

— Не пойму я, — говорил Александр Иванович, доставая блокнот из кармана пальто, — почему нашу Псковскую область так со льном лихорадит? То у нас недохват и посевные площади свертываются, то начинают расти, разбухать. Правда, так, говорят, и в старину бывало. Но я недавно не такие уж древние цифры взял в облплане. Какой, вы думаете, самый высокий по посевам год тут был? Наверное, самый производительный 1913? Нет, 1932! В этом году было засеяно почти 104 тысячи гектаров льном. А в сороковом году уже 91 тысяча гектаров, в сорок седьмом — 37, а в пятьдесят пятом — 65. В 1956 же году вдруг опять 80 с половиной тысяч гектаров. И если вот анализировать эту колонку цифр начиная хотя бы с 1932 года и до последней посевной, то, пожалуй, причина лихорадки этой станет ясна. Она...

Но автобус остановился у высокой белой гостиницы Пушкинского заповедника, и Александр Иванович, пригласив заходить на свободе к нему в МТС, сошел с машины.

II

Прошлым летом в колхозе имени Пушкина больше всех беспокоил лен старого льновода Евдокима Васильевича Васильева.

Ранними утрами, до яркого солнца, когда лен выставляет под косые теплые лучи свои голубые, атласные, не любящие жары и большого ветра блюдечки и цветет еще в светлой, но сырой утренней прохладе, выходил он в поле на гору к Трем соснам и, вбирая полной грудью напоенный свежестью и ароматом воздух, глядел подолгу на лен. Поле было очень похоже в эти часы на голубое пушкинское озеро Маленец, что лежит вот там, за бугром, «где в гору подымается дорога», где стоят три молодые сосны, заботливо посаженные недавно на месте том, где когда-то росли раньше воспетые Пушкиным три старых могучих дерева и где шумит уже теперь высокая сосновая роща — когда-то «племя младое — незнакомое». И Евдоким Васильевич отыскивал в полях открывавшиеся отсюда другие такие же льняные озерца, крепко задумывался. Он жил в деревне Луговке, что стоит недалеко от древнего Михайловского бора, вставал в деревне ра́ным-рано и дня не мог утерпеть, чтобы не выйти на бугор к Трем соснам. Отсюда видны все пушкинские просторы. Вот там, где с увала смело сбежал к низинам сам шумный, беспокойный Михайловский бор, стоит среди деревьев невысокий «опальный домик» — усадьба поэта. Там в сирени и березках прячется и «горенка» — домик няни Арины Родионовны. А если подняться на верх соседнего холма, влево откроется и Тригорское в кипени липовых аллей, вправо далеко за туманной, теплой утренней далью проглянет озеро Кучане. Там Петровское, там видно, как пышно дремлет на берегу старинный Петровский парк, посаженный еще прадедом поэта — «арапом Петра Великого» — Абрамом Ганнибалом. А между Кучане и Тригорским, словно голубая, оброненная в заливные луга долгая льняная блескучая нитка, пробежала и сама Сороть.

И всюду в эти утренние часы: и под Михайловским бором, и под Тригорским, и Вороничами — открывались с поля от Трех сосен глазу эти обманчивые, исчезавшие с полудня голубые озера легкого, осыпающегося льняного цветения.

Любил Евдоким Васильевич по ранним утрам побродить так, запросто, по полевым стежкам, порадоваться душою льняным просторам. Особенно любил он свое поле у трех пушкинских сосен, в посев которого вложил уже немало труда. Когда ленок пошел в «елочку», добро подкормил его Евдоким Васильевич завозной «удобрительной кашкой».

Но уже в эти дни, когда поля еще были голубыми, когда на них творилась «тайная тайных» природы: завязывалось незаметно семя, а цветы, опадая, исчезали, и на стеблях появлялись зеленые, еще не гремящие семенами коробочки-бубенчики и лен все тянулся кверху, — на Евдокима Васильевича нападала тревога.

— Ведь экую прорву насеяли! — ворчал он. — Просил председателя сеять в нашей бригаде двадцать пять — тридцать гектаров. Нет, завернул пятьдесят пять. По колхозу сто шестьдесят гектаров закатил! На тресте́, что ли, хочет выехать? Да это же не план, а «рви больше». А где руки?

И он начинал подсчитывать, сколько у них людей в бригаде. Выходило маловато. И не успокаивался, все ходил.

Жена Варвара Степановна, что уже была стара и больна и редко выбиралась за деревню в поле, дождавшись мужа к обеду, говорила ему за столом:

— Ты, слышь, звеновой, Евдоким Васильевич,— ты растолмачил бы председателю-то нашему Дмитрию Васильевичу Серебренникову, когда надо лен-то брать. Не бывалый во льну мужик-то он, новый. Может, не все и знает. Сказал бы ему, что наперед самый недозрелый брать надо. Это же самый первосортный лен для сдачи. Озолотимся веды! Бывает ли крепче лубок, чем у недозревшего льна, поди, ему невдомек, может быть?

— Говорил, — отвечал односложно Евдоким Васильевич.

А то, сев вечером при свете лампы к столу и достав из укладки старинную рукодельную тяжелую скатерть, рассматривала ее Варвара Степановна и говорила мужу:

— Вот, гляди, звеновой, какая работа-то. Смотри: ручная. Ай забыл? На этой скатерти мы и свадьбу-то пировали! Голубую-то ниточку, что по узору вот краем идет, помнишь, ты тогда погла-

живал. Все говорил: самоцветнитка. Брала я эту кудель еще в девках с матерью. Помнится, из росного льна брала. Вот бы ты и сказал о такой кудели Дмитрию Васильевичу. Ей цены нет. Его, лен, помочи в бочажке плашмя два — три дня без гнету, два — три дня на солнце на стлище дай полежать и мни разом — он и заиграет голубизной. А вот эта, золотая, в ямище с навозной жижей мочена. Цены нет, гляди, звеновой, как светится. А ведь стирана, мыта, катана! — И вдруг, отложив скатерть в сторону, спрашивала: — Евдоким Васильевич, слышь? Мочила-то на бугровицкой речке копать будут или как? Ты скажи правлению-то, что у серых глин копать мочила надо. У серых глин лен всегда как шелк бывает и светится. Про мочила-то у нас после войны и не вспоминают. Забыли, знать, что ли?

И, заметив, что муж щурится сердито, забирала скатерть, уносила, клала в сундук и слушала в ответ, сидя на сундуке, его ворчливую речь.

— Мочила? Какие мочила! Тут хоть бы трестой третьесортной сдать в полцены да весь выдергать засухо! Вот хлеба́ напирают, картошка пойдет, а руки где? Вон он какой махает, льнище, на поле у Трех сосен! А сколько его всего у нас?

Ворочался по ночам, не спал, по утрам говаривал жене:

— Не доведем лен до дела. Хоть из ста шестидесяти шести гектаров девяносто по договору должна убрать МТС, а чую, что останется лен в поле.

В конце августа в поля вошли теребилки и комбайны. Они не брали поднявшегося во весь богатырский рост льна. Теребильные аппараты не могли врезаться свободно и легко в гущу посева, комбайны низко вязали снопы, путали при обмолоте льнянки, портили соломку. Техника, испытанная, видимо, когда-то на малорослых и редких льнах, отказывалась работать или приносила мало пользы. Машины выходили в поля и оставались там неделями в бездействии.

...Октябрь стоит над полем у Трех сосен. В багреце и охре Тригорское, пушкинская усадьба в багреце. За Соротью по желтым лугам кочуют скирды и копны сена. Шумен и зелен только Михайловский бор. Но и в нем золотыми вымпелами вспыхнули березы. Все, должно быть, в этом осеннем пушкинском пейзаже здесь так, как было сто и больше лет назад.

С Евдокимом Васильевичем пришли на поле к Трем соснам, а оно и сейчас стоит неубраным. Женщины в зимних платках, в ватниках берут печально звенящий головками-бубенчиками почерневший лен, безразлично связав снопок, бросают его на землю и машинально, без радости дергают вновь.

«Ровняй, ровняй!» — порою откуда-то доносится с вышины в ясном холодном воздухе. Это гуси с севера идут на теплый юг и перекликаются.

III

Кто увидит псковские льняные поля ранней весною после всходов, тот удивится им. Засеяно поле после всех яровых, но глядишь на него — и тревога за сердце хватает. Медленно как-то прошибает оно редкими колючими всходами сквозь суховатую землю, и спервоначалу серое поле это покажется «стравленным» морозом. А яровые между тем уже прыснули весело всюду густой зеленью, вот-вот овсы в трубку пойдут, картофель по шестому листу гонит. Что же это значит, что лен так отстал? А то, что на псковскую землю пришел со льнами июньский «озноб». Но вот лишь свалит он за озера, глядишь, и не узнать уже льняного поля. Овес и метелки еще не выкинул, картофель еще как следует и не ботвился, а льнище буйное уже лежит и гонит по ветру зеленую волну одну за другой. А скоро уже лен высок и статен стоит и к цвету готов. И тут начинается все на часы. Через неделю в полях исчезают голубые озера. В одно утро сбрасывает лен с себя весь цвет, и уже на льнянках-былках набухают зеленые коробочки-бубенцы. Вот тогда вскоре и выдерни льнянку. Она тонка, всего в два миллиметра толщиной. Но подвесь к ней груз в килограмм — выдержит! «Озноб» июньский льнянке на пользу пошел, укрепил на ней «лубок», и уже крепче нити, чем у псковского льна, теперь нигде не найдешь. Так сама псковская природа и упорство нашего северного человека создали этот крепкий лен и сделали его кормильцем целого края.

Об этом мы и говорили с Василием Васильевичем Павловым — тридцатитысячником, недавним работником райисполкома, ныне председателем колхоза «Смена», что в Велии, — когда ехали с ним в таратайке на собрание одной из бригад в деревню Дегтяри.

Василий Васильевич называл лен «серебряным золотом».

— Так почему же псковская земля до сих пор не стала настоящей землей этого самого «серебряного золота»? — спрашивал его «возница» — недавний артиллерист, только что уволившийся из армии солдат Егор Назарьевич Чадин. Он подсел к нам в таратайку еще у правления колхоза и сразу завладел вожжами, сказав: «Ну-ка, дайте поправить мне, давно на конях не ездил».

— ...Почему так? — настаивал Егор Назарьевич.

— То есть как это так: не стала? — отвечал Василий Васильевич.— Каждый год сколько льна выдаем!

— Выдаем-то выдаем,— отвечал Егор Назарьевич,— а вот по какому признаку можно определить и с уверенностью сказать, что земля эта льняная? Только по тому, что вон в полях до сих пор лежат стлища да стоят «бабки»?

— И по этому,— отвечал председатель.

— Пожалуй, только по этому, — упорствовал Егор Назарьевич. — А вот есть места на нашей советской земле, где только по одному пейзажу сразу определишь в любое время года, чем там занимаются и какой «профиль» у этой земли. Я служил в Средней Азии, в Узбекистане. Там чуть за «околицу» своей части вышел и сразу видишь: республика хлопковая! Хлопок уже давно убран, а узнать можно сразу. На полях сушильные помещения — «хирманы» стоят. Глядишь: МТС — и сразу догадываешься: хлопковая земля. Машины — специальные посевные и уборочные, только для добычи хлопка сделанные. За поле глянешь — и сразу видишь, что перед тобою хлопковая земля: бунты хлопка под гигантскими брезентами белеют, а дальше склады стоят.

Он переложил вожжи из правой руки в левую, повернулся лицом к нам и продолжал:

— А у нас? Вот мы сколько уже деревень нашего колхоза проехали, а я еще нигде не видел простой амбарушки, где бы мог храниться лен. А где у нас работает механическая колхозная льномялка, где люди трудятся у мочил? Вон лен в «бабках», вон в поле заroды стоят, на заборы из мякины похожи. Так у нас сушится головка, готовится посевное и товарное семя. А ведь наступает пора «собаки и волка». Скоро с сумерками на улице и останутся только волк в поле да собака у двора. Вечера, ночи длинные. Сиднем дома сиди да спи на печи. Неужли все спать? — Егор Назарьевич легонько хлестнул коня и снова заговорил: — Мочить лен разучились, мять тоже. Так приучили: льнозавод выручит. А он вон где, льнозавод-то, за десятки километров! И уже на добрый год завален трестой. А ведь кругом сторона, где не только умеют сеять лен, а и выделывать его!..

Но лошадь вдруг остановилась у какого-то вынырнувшего из темноты дома. С крылечка разом полетели в воздух, описывая дуги, недокуренные цыгарки, и кто-то сказал: «Ну, давай заходи, кажись, приехал!»

...Собрание бригады в Дегтярях было недолгим, деловым. Дали нагоняй бригадиру Василию Степановичу Софронову за кое-какие промахи, пошумели насчет пересева, порешили: завтра же все женщины — на лен, мужчины — на картошку. За гектар еще не вытеребленного льна — «сто рублей надбавка сверх всего», за картошку — «десятый мешок твой». Закончили же тем, что нетеребленый лен и тот, что в «бабках» в поле стоит, заложить на зиму в одонья да просить стариков и школьников отправляться в лес заготовлять вереск.

— Переложим вереском, мыши точить не будут. Ну, а там будет видно, что с ним дальше делать.

И Василий Васильевич, закрывая собрание бригады, как-то неопределенно махнул рукой.

Старые льноводы колхоза имени А. С. Пушкина Варвара Степановна и Евдоким Васильевич Васильевы.

IV

Беседу о льняной «лихорадке» мы с директором МТС Александром Ивановичем Шевченко продолжили на поле под Вороничами.

— Что же, — говорил он, вспоминая наш автобусный разговор, — анализировать лихорадку можно. Возьмем прямо сначала тот 1932 год, когда площадь сева прыгнула вдруг сразу за сто тысяч гектаров. Вспомните это время. На поля тракторы пришли, лен — золотая валюта. И вознеслась сразу цифра посева за сто. А дальше 46, 47, 48-й годы, и цифры им соответственно — 32 тысячи гектаров сева, 37, 50. Откуда такой спад по сравнению с тем, с 32-м? Планирование сверху, кок-сагыз, никому не нужный рыжик — все навязывалось. Еще 53—54-й годы, и площадь сева соответственно 44 и 48. Почему нет подъема? Кок-сагыз отменен, рыжик — тоже, а подъема пока нет. А делался упор на хлеб, хлебом больше всего поля засевались! Все это отмечено в летописи областных статистических сводок.

В 1956 году опять скачок — на 15 тысяч гектаров против прошлогоднего выросли посевы. И по-

Слева направо: звеньевые М. В. Пушкин, М. Е. Егоров и председатель колхоза «Смена» В. В. Павлов

нятно, почему. Перестройка планирования, желание заработать деньги, поправить колхозные дела, — вот и появилась необходимость расширить площади посевов! Несомненно, они будут и дальше расти. Но база! Есть ли под этим база? — спросил он меня, и сам начал отвечать на свой вопрос: — В 1956 году мы должны были убрать процентов восемьдесят льна машинами. Но наша несовершенная уборочная техника оказалась несостоятельной перед большим урожаем. Беда, может быть, и не велика была, если бы собрали руками, замочили, обтрепали бы хоть одну половину сами, а другую половину трестой на завод свезли. Но рук для уборки не хватило, а мочить и обрабатывать лен под голубую кудель дома у нас вообще разучились. Да и то сказать, этим заниматься хорошо было тогда, когда мало сеяли льна. Тогда его убирали не весь сразу, поочередно. Мочили да стлали небольшими партиями, сушили дома на печах, мяли вручную. Тогда льном можно было любоваться. А теперь убери-ка да обработай такую махину! Базу, базу под лен надо!

...Раньше на псковской земле льна сеяли меньше, брали здесь не количеством, а качеством обработки снопа, голубой куделью. И все делалось дома. Но разве теперь нет такой возможности? Ведь недаром Егор Назарьевич говорил о длинных и пустых зимних вечерах, когда людям зачастую нечего делать. В минувшее время именно в зимние вечера мяли загодя вымоченный лен. Но сейчас и льнозаводы со всем урожаем не справляются. Да и сырье идет на него «пестрое» — и плохое и хорошее. Потому что разучились мочить и готовить на зиму впрок лен, заменили мочку выстелкой льна на полях, качественную обработку снопа дома — надеждой на льнозавод. Но почему же надо взваливать все на льнозаводы и не думать о своей, колхозной голубой прославленной кудели, за которую, кстати, на тех же льнозаводах платят намного больше, чем за «соломку» пестрого качества?

Да, видимо, со льном надо поступать как-то иначе, видимо, действительно нужна база под лен. Но какая?

Об этом я и думал, шагая по глухой дороге через Михайловский бор. Я думал о голубой псковской легендарной кудели, которую мне за много дней поездок и походов по пушкиногорским селам и деревням так и не удалось повидать.

Голубую нитку в старинном крестьянском тканье увидать довелось. А вот кудели нигде не видел. Неужели, думалось, перевелось на псковской земле это мастерство и голубой да золотой кудели никто не делает?

Но вот сегодня под вековыми пушкинскими соснами на лесной дороге встретил я девушку из Косохнова, Клаву Калашникову, и многое мне эта встреча прояснила. Да и голубую кудель тут увидал!

Деревня Косохново самая дальняя, стоит она в углу Кирилловского сухого торфяного болота, приткнувшись к самым михайловским чащам. По одну сторону Михайловский бор, по другую — деревни, что были когда-то еще за Пушкиными,— Березино, Кириллово, Станошники, Богомолы, Ромашки, Бустыги. Косохново — последнее в цепи их. Тут до Кучане-озера рукой подать.

Шла Клава через бор с узелком, бережно его несла. И я спросил ее на дороге:

— Клава, помню вас, как вы недавно сдавали «соломку» на льнозаводе и бранились. Куда идете? Не боитесь вот так одна по дорогам-то в осень ходить?

— То и хорошо, что осень. А зимой нешто бы пошла?! Боязно, дни короткие. А иду я на Вороничи на воскресенье к подружкам попряться.

И нетрудно было догадаться, что несла Клава в белом холщовом платочке кудель.

— Зимою-то я уже в Вороничи не пойду, а буду дома сидеть. Вот затеяла вышивать русалку.

— Это какую же?

— А вот ту, что у Александра Сергеевича описана. «Русалку»-то у него читали?

Была Клава застенчива, но, должно быть, характером пряма и открыта. Она положила вдруг узелок на пень, развязала его и показала кудельки:

— Смотрите, подходящ?

Такое не часто увидишь! Сразу же пришли на память все детали обработки старыми льноводами льняного снопа. И верно, не количеством — качеством брали. Тут были кудельки мягкие и долгие, изумляющие глаз стальным, холодным цветом, рядом лежали белые, как благородная седина, еще рядом — золотые, яркие, как летние сухие закаты, потом были такие чисто «льняного» цвета с лучистой прозеленью, будто былкульнянку потомили в родниковой воде, посушили на солнце и она только что отошла от «косточки». И совсем особо лежала кудель с такой голубизной и августовской теплотой в блеске, что только и оставалось сказать:

— Да это же богатство, Клава!

— То-то и оно! — воскликнула она, радуясь и застенчиво краснея. — Эти я сама по снопику в разных водах мочила. Вы говорите, я бранилась на заводе? Да я и не бранилась. Просто глядела на «соломку», какую тогда привезли, и обидно было, что вся она прямо со стлищ и одинаковая. Из нее выйдет обычная серая кудель.

И рассказала, как делается настоящее богатство. Все было просто. Нужно было только знать, какой лен как и где помочить в водах с примесями, как потомить и посушить, и вот лен уже сам «играет» и просится на гобелен.

Мы прошли с Клавой через Михайловский бор на усадьбу заповедника, походили по липовой и еловой ганнибаловским аллеям, были у домика няни.

От террасы пушкинского дома она показала мне Луевы горы, что лежали за Соротью, за далекой деревней Зимари. Горы-холмы уже нечетко проглядывали сквозь вечерний сумрак.

— Там, должно быть, и была корчма на границе, куда Отрепьев-то бежал. Помните у Пушкина Луевы горы? Так вот это они. У него все точно. Он-то уж знает. Да здесь, в Михайловском, и написана трагедия,— застенчиво сказала она, вспоминая «Бориса Годунова».

Потом мы сидели в Тригорском парке на «скамье Онегина», над завечеревшей Соротью.

— Клава, а вы сами-то не из пушкинских? — спросил ее. — Знаешь, может быть, у Пушкина-то приказчик Калашников Михайло был? И про Ольгу, дочь его, слыхала? Любовь-то у нее была с Александром Сергеевичем?

— Всякое про нашу фамилию бают. Слыхала и про Ольгу. Говорят, что родня. Да нас, Калашниковых, много. Может быть, и да, а может быть, и нет. — И встала со скамейки, заговорив резко. — Вот скажите мне лучше, почему нашу Псковскую область к делу как следует не приберут? Почему ночи у нас такие длинные? Нам бы в колхозы электричество, специальные льняные дворы, электрические колхозные мялки, сушилки, мочила — вообще все хозяйство на серьезную ногу, а? Ведь льняная земля кругом. Вымоченный лен сушили бы впрок на зиму. Нешто допустимо такую золотую махину на пеньку пускать да в одоньях гноить? Обрадовались мы. Развернулись. Слыхала я, на целые тысячи гектаров больше засеяли по области. И у нас в Косохнове тоже. Разом решили все дела поправить. Мол, возьмем деньги, а потом уж и заживем... А ведь стоим того, чтобы нам электричество! Слыхали, на Великой, вон там, где Сороть в нее впадает, электростанцию который год собираются строить. Вот бы! Всю зимушку тогда работай, делай ленок золотым прямо в своем хозяйстве. Из колхоза и уйти не захочется — производство! Тогда бы некогда было за пять верст в Вороничи на посиделки бегать. И незачем... Ну, я в деревню пошла.

Она распрощалась неожиданно и ушла в темноту со своими кудельками.

Вот тогда и встало все на место. База! Да не электричество ли и есть эта самая база под лен?! Вспомнились огни наших хлопковых республик, где дизели посылают в кишлаки и селения энергию и свет. Стали понятны и слова Егора Назарьевича о «профиле» среднеазиатской хлопковой земли, о хороших специализированных машинах. Верно, почему и с псковской землею не поступить так, не придать ей заслуженный настоящий, твердый профиль, не оснастить ее энергией, техникой надежной, сооружениями нужного порядка и не сделать подлинной кузницей «серебряного золота»? Электричество поставит в них сушильные и трепальные машины, осветит теплые, построенные как следует мочила и берега озер и рек, сократит темные вечера и ночи. И почему, между прочим, не дать льноткацкие фабрики псковской земле, которая на ручных деревянных станках когда-то умела ткать самые широкие «указные» льняные паруса для петровского флота? Комбайны плохие заменить на новые, совершенные, реки свои — не занимать, озера свои — не наливать, на одной Великой можно поставить не одну турбину!

...Ночь торопила эти думы. Я шел от Тригорского к деревне Селихово, туда, где Сороть сливается с Великой, где может встать, но почему-то еще не встала такая нужная псковской земле электростанция. Сороть светилась под звездами и играла голубою куделью и на стрежне и у берегов.

Сортировщик В. Г. Семенов принимает лен от колхозников.

ИДА

Рассказ

Клара АКУСТА

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Ее имя — Ида. Конечно, не просто Ида, но это не важно. Она была красивая девушка, с очень темной кожей и ясными, искрящимися глазами. Ее нельзя было назвать красавицей в том смысле, как это принято говорить о кинозвездах. Нет, она не была звездой экрана, но, безусловно, была прелестная девушка, и притом совершенно исключительная.

Свое имя она носила уже тогда, когда правители «Страны восходящего солнца» еще питали иллюзии об установлении Великой Восточной Азии и когда индонезийские рабочие страдали от голода и ходили в одежде из мешковины. Ей исполнилось семнадцать лет, а что она хороша, в этом были единодушны и друзья и враги.

И все-таки самое главное — это то, что она необыкновенная девушка. Я за всю свою жизнь не смог бы понять ее мыслей и ее поступков. Она кажется мне еще более недосягаемой, чем познание теории Эйнштейна. В этом я убедился окончательно в один прекрасный день. Впрочем, может быть, это случилось и вечером, не помню точно, но только это было во время японской оккупации.

В то время я служил деревенским клерком и был прикомандирован к японской секретной службе. Моя жизнь текла плавно, без каких-либо потрясений и поворотов, как, впрочем, течет она и сейчас. Конечно, люди вокруг суетятся, нервничают из-за цены на рис, на соль, из-за многих таких пустяков, которые я считаю не заслуживающими беспокойства. Почему, спрашиваю я вас, мне надо тревожиться? Я не нахожусь в числе тех, кто трясется за свою долю риса. О, у меня только одна мечта — стать деревенским старостой! Наш почтенный чародей-доктор уверял меня, что через два года я могу надеяться на продвижение по службе. Правда, это было пять лет назад, а я все еще остаюсь деревенским клерком... Но нельзя же в этом винить доктора — человек его талантов не будет врать. Просто мне не везет.

Клара Акуста — индонезийский прогрессивный писатель.

Ну, вот. Случилось так, что однажды ночью Ида сидела на веранде и пристально смотрела на дорогу. Внешне она казалась спокойной, но на самом-то деле она вся была, как натянутая струна. И хотя она приготовилась мужественно встретить опасность, чувствовалось, что ее сердце готово выпрыгнуть. Ида боялась!..

Время от времени она тревожно прислушивалась, вглядываясь в темноту улицы, словно ожидая кого-то. Она явно что-то переживала. Но не так, как девушка, которой причинил горе ее любимый. Нет, не так. Но и не так, как девушка, которую сегодня впервые поцеловали,— то, что обычно тревожит всех девушек, так, по крайней мере, они говорят. Нет, Ида чувствовала тревогу и озабоченность, потому что она отважилась помочь молодому партизану, которого разыскивала кемпетай[1]. О глупенькая Ида, зачем ты поступила так неосмотрительно? Позже, у себя в конторе, я сообразил, что этот парень был диверсант, настоящая безрассудная голова. Я вас спрашиваю, как можно быть настолько глупым, чтобы во всеуслышание кричать о своих сомнениях по поводу обещанной японцами «грядущей свободы»? Но не мне же с моей должностью давать этому парню уроки! А Ида, какое у нее сердце, что помогло ей укрыть партизана!.. И если, Ида, ты трепетала от страха, то ничего удивительного в этом не было: разве ты не слыхала скрежета полицейских машин, который становился все громче и громче? А печатающий топот солдатских сапог, разве ты не слышала и его? А холодное сверкание штыков? Ты все видела, слышала и знала, что не можешь остаться незамеченной. С какой же стати ты вела себя так неразумно, Ида? Разве ты не знала, что кемпетай имеет повсюду своих шпионов, разве не знала, что староста выдаст тебя японцам? Да, Ида, я все рассказал твоему соседу... И разве ты не знала, что староста за это подарил мне пару новых брюк, а сам вскоре получил повышение?

Так случилось, что Ида попала в тюрьму, Иду, с ее милым личиком, приговорил суд. Но кто виноват в этом, кроме нее самой? Между прочим, она могла бы стать моей женой, женой деревенского клерка, который как-никак работает в конторе самого старосты. Но это уже другой вопрос.

И все-таки то, о чем я только что рассказал вам, не идет ни в какое сравнение с тем, что натворила Ида во время «полицейских операций» голландцев. Ее сумасшествие, должен заметить, вышло за пределы. Ей казалось, что недостаточно тех хлопот, от которых я и без того хватался за голову: ведь она была на волосок от японских штыков. Шесть месяцев она провела в тюрьме. Выйдя оттуда, Ида как будто угомонилась. Но незадолго до провозглашения республики эта девушка снова принялась за свое. Она повсюду произносила речи, причем не стеснялась кричать во весь голос.

После подписания Ренвильского соглашения Ида, казалось, успокоилась, начала работать в народном кооперативе. Она занимала там хорошее положение и делала все посильное для процветания кооператива.

И вот вдруг — Ида, ах, Ида! — наш район стал ареной партизанской деятельности. Правда, ничего страшного в этом не было, потому что в городе все находились в безопасности. Рестораны оставались заполненными публикой, а в кинотеатрах шли красивые фильмы. Я по-прежнему вел спокойную жизнь деревенского клерка. Пусть другие тревожатся о том, что где-то идет стрельба, но только не я. Я стою на одном: так или иначе, а Индонезия получит свою свободу. Почему же в таком случае я должен тревожиться и даже рисковать своей жизнью? Что принесет завтрашний день,— не моя забота. И все-таки почему так много людей, которые не могут взять себя в руки и спокойно ждать, когда будет установлена республика? Все это так же непонятно, как непонятной была Ида.

Однажды она окончательно сразила меня: я услышал, что Ида арестована голландской военной полицией. Мне было поручено заготовить доказательства обвинения против нее. Ида и еще две девушки должны были предстать пред судом. Все три, я должен отметить, были прехорошенькие. Вы не могли бы обнаружить ни малейшего проявления страха на их лицах. Они выглядели очень спокойными, я должен сказать. Но почему сотни людей приняли так близко к сердцу это дело, и почему люди говорили с такой симпатией и пониманием о том, что сделали Ида и ее подруги? Я слышал, как возле меня шептали: матушка Картини... Крупская... Жанна д'Арк... и называли еще другие имена. Конечно, я и раньше слышал о матушке Картини — они имели в виду, конечно, Раден Аджен Картини[2], но два других имени — кто они? Возможно, какие-нибудь киноактрисы... И вдруг неожиданная тишина заполнила зал суда, воцарилось гробовое молчание. Сотни глаз были устремлены на Иду и ее подруг.

Судья. Мисс Ида, вы согласились поддерживать связь с партизанскими группами?

Ида. Да, ваша честь. Я не только согласилась, но считаю это своим долгом.

Люди в зале встрепенулись, можно было слышать их горячее дыхание. В этот момент я почувствовал себя жалким.

Судья. Как могло получиться, что вы, такая молодая девушка, совершали поступки, запрещенные правительством?

Ида. Ваша честь, я не признаю правительства, которое не было создано по воле народа.

Толпа в зале подалась, и меня вытолкнули вперед, совсем близко к Иде. Как гневно сверкнули ее глаза! Холодная испарина покрыла мой лоб.

Судья. Отлично, мисс. Теперь скажите мне прямо, кто подстрекал вас совершать дела, противоречащие общественному порядку?

Ида улыбнулась, и как она была хороша! Выпрямившись, она сказала звенящим, как колокольчик, голосом:

— Ваша честь, вы предлагаете мне назвать человека, который повлиял на мои мысли и убеждения настолько, что я нарушила общественный порядок. Вы, ваша честь, просите дать вам прямой ответ, и вы его получите. Разве ваша честь не знает, что в голландских школах для индонезийцев нас обучали петь голландскую песню, в которой говорится, что обязанность каждого — посвятить все, что

[1] Японская разведка.

[2] Основоположница движения за эмансипацию женщин в Индонезии.

есть в нем лучшего, независимости его любимой родины? Больше того, ваша честь, когда я узнавала о храбрости и патриотизме, проявленных голландским народом в борьбе против немецких захватчиков, меня наполняло чувство восхищения. Голландский народ действительно любит свою свободу. За эту свободу голландские демократы-антифашисты отдавали свою жизнь. Ваша честь, борьба голландского народа стала примером для меня и моих товарищей.

И снова тишина воцарилась в зале суда. Я затаил дыхание, было слышно, как тикают мои карманные часы.

Судья стал совещаться со своими коллегами. Кто-то из молодежной организации шептал: «Ида, твоя жертва не напрасна, ты можешь положиться на нас!»

Потом судья поднялся со своего места. Приговор он произнес голосом, не оставлявшим сомнений в чувствах, владевших им в эту минуту. Рука, поднявшая судейский молоток, дрожала, глаза были увлажнены. Было похоже, что индонезийский судья, бог знает почему, был взволнован...

Ида получила шесть лет за связь с партизанами и за свои взгляды, которые противоречили общественному порядку и безопасности. Она выслушала приговор, гордо выпрямившись, а потом сказала:

— Я принимаю этот приговор как признание важности того, что я сделала. Я не могла поступить иначе, потому что я люблю мою страну и мой народ. Позвольте мне теперь обратиться кое к кому в этом зале.

И — смотрите-ка! — совершенно неожиданно, обращаясь в мою сторону, она сказала:

— Остается поблагодарить вас за вашу службу правительству. Скорее всего вы получите повышение, но поразмыслите хорошенько над тем, что сегодня здесь произошло. Вы покупаете ваше благополучие ценой измены...

Я не смел шевельнуться, мурашки пробежали по моей спине, когда я увидел гнев в глазах этого создания, которое, несомненно, было сумасшедшим.

В чем я был не прав? Скажите, где могла быть моя ошибка? Я только выполнял мой долг, разве не так? Я и в самом деле могу, наконец, получить повышение, но, я вас спрашиваю, разве другие не так же думают? Да, Ида — определенно необычная девушка!

Ида с ее милым личиком!.. Какая жалость, что она сейчас в тюрьме!

Но Ида? Пожалеет ли эта девушка когда-нибудь меня?..

Перевела с английского
Ольга ЧЕЧЕТКИНА.

«НАША НЕЗАВИСИМОСТЬ ДОЛЖНА БЫТЬ НЕПРИКОСНОВЕННА!» —

заявил корреспонденту «Огонька» премьер-министр Иордании Сулейман Набулси

Николай ДРАЧИНСКИЙ

Древняя улочка Иерусалима. Она такая узкая, что даже при жарком солнце здесь полумрак. Высокие стены кажутся седыми от времени. Внизу плотно прижались друг к другу лавки торговцев, мастерские ремесленников, лотки зеленщиков. Они образуют сплошную пеструю ленту, оставляя лишь узкий проход, мощенный большими каменными плитами. Согласно христианскому преданию, по этой улице вели на Голгофу Иисуса. Сейчас по ней движется небольшая процессия. Во главе ее юноша с большими горящими глазами и старик, будто сошедший с библейской гравюры. На груди у юноши плакат с надписью: «Мы против плана Эйзенхауэра». Старик временами поднимает руки и говорит: «Люди! Кто не хочет снова согнуться под игом иноземцев, ставьте подписи на этой бумаге!»

Я вижу, как подходит человек, чинивший примус в мастерской, люди из крошечного кафе, продавец бананов, прохожие. Они читают арабский текст и ставят свои подписи. В кратком тексте сказано: «Мы решительно против плана Эйзенхауэра, мы не позволим империалистам снова поработить нас. Да здравствует независимость арабских стран! Долой империалистический план Эйзенхауэра!»

Подобные сцены я видел во многих городах и селах Иордании. По всей стране проходит кампания сбора подписей против плана империалистов.

В лагере беженцев близ города Иерихона мне показали лист с подписями длиною в три метра. Весь народ Иордании единодушно отвергает новые посягательства империалистов. В городе Вифлееме мне сказал ремесленник Куза Хасан: «Мы только добились победы над одними колонизаторами, а к нам уже тянутся другие. Мы этого не допустим».

Инженер Абдалла Шейх Хесин заявил: «Мы хорошо знаем, что значит «защита» империалистов. Глабб тоже говорил, что он нас защищает, а сам душил страну».

Я познакомился с кочевником по имени Халиль. Его кочевая палатка стоит среди пустынного плато близ долины Иордана. И сюда, в убогое жилище скотовода, проник дух национального подъема. Показывая рукой вокруг, он говорит: «Это наша земля, здесь живут арабы. Мы только подняли голову и не хотим, чтобы нами командовали иноземцы».

В Аммане, столице Иордании, я беседовал с лидерами главных политических партий. Все они решительно осуждают «доктрину Эйзенхауэра». Секретарь федерации иорданских профсоюзов, заместитель генерального секретаря Международной конфедерации арабских профсоюзов Зейдан Юнес сказал мне:

— Арабские рабочие на своем опыте хорошо знают, что значат империалистические махинации. Проект Эйзенхауэра — это попытка обеспечить господство колониальных держав над нами, лишить арабов возможности самим использовать свои природные богатства. Америка возглавляет НАТО, оружие которого используется против наших братьев в Алжире. США поддерживают Багдадский пакт, направленный против арабских стран. Поэтому мы, арабские рабочие отвергаем этот проект.

Вчера премьер-министр королевства Сулейман Набулси принял корреспондента «Огонька» в своей резиденции. В скромно обставленном кабинете сидел рослый седой человек с высоким лбом. Премьер — бывший учитель, в прошлом подвергался преследованиям за борьбу против Багдадского пакта.

— Я очень рад видеть здесь первого советского журналиста, который посетил Иорданское королевство. Мы заинтересованы, чтобы в вашей стране знали правду об Иордании. А самая достоверная информация — та, которая получена путем личных контактов,— сказал глава правительства в начале беседы.

Следует отметить,— продолжал премьер-министр,— что мы, как правительство суверенной страны, лишь недавно выступили на международной арене. Прежние правительства в международных делах в значительной мере выполняли то, что предписывалось им Англией. Теперь, когда наш народ решил порвать цепи иностранного господства в стране, он освободил и внешнюю политику от иностранной зависимости. Мы теперь свободны в своих действиях, несмотря на то, что договор с Англией пока еще существует. Иорданское правительство намерено и подтверждает свою решимость ликвидировать этот договор. Согласно договору, Англия имеет определенные обязательства, в которых мы нуждаемся для содержания нашей армии и национальной гвардии. Сейчас мы прибегли к помощи арабских стран, чтобы заменить английские субсидии. Египет, Сирия, Саудовская Аравия согласились оказать нам такую помощь. Наша делегация завершила переговоры в Каире и сейчас находится в Саудовской Аравии. Как только мы решим этот вопрос, мы немедленно начнем переговоры с Англией о ликвидации договора.

Далее премьер говорил о том, что правительство стремится укреплять дружеские связи со всеми странами, которые не посягают на суверенитет Иордании.

— Мы видим нашу главную задачу,— продолжал Набулси,— в укреплении братского сотрудничества со свободными арабскими странами, чтобы упрочить нашу свободу и избавить остальную часть арабской нации от иностранной зависимости. Мы считаем что Иордания, как и другие арабские страны, не может существовать в одиночестве. В единстве арабских стран — их сила, свобода и независимость.

Коснувшись экономического сотрудничества арабских стран, премьер сказал, что сейчас советы министров Иордании и Сирии решили установить экономическое единство обеих стран. Созданы двухсторонние комиссии, которые изучают этот вопрос. Когда подробности будут согласованы, проекты представят парламентам для окончательного утверждения. Предусматривается ликвидация таможенных барьеров, создание общего экономического совета, единой денежной системы и т. д.

О плане Эйзенхауэра премьер заявил:

— До сих пор мы не получили официально этот план. Сведения о нем имеем лишь из печати. Поэтому я не могу официально его комментировать. Но я должен решительно заявить, что мы принципиально не принимаем доктрину «заполнения вакуума». Право на защиту арабских стран должно быть в руках самих арабов. Мы не разрешим никакому правительству вмешиваться в наши дела под предлогом «защиты». Наша независимость должна быть неприкосновенной. Наша свобода и суверенитет не продаются за деньги. Мир между народами должна поддерживать и охранять Организация Объединенных Наций.

Относительно внутренних проблем Набулси сказал, что нынешнее правительство сформировано из представителей партий, имеющих большинство в парламенте. Оно уверено, что внутренние проблемы могут быть решены. Оно стремится в полной мере поднять экономику, развивать национальные ресурсы и природные богатства страны. Правительство намерено осуществить социальные реформы и поощряет развитие профсоюзов.

Покидая резиденцию премьер-министра, я увидел огромную толпу народа, собравшуюся перед зданием правительства. Стоявший на ограде человек произносил речь, а сотни людей скандировали: «Долой империализм! Долой военные пакты! Да здравствует свобода арабских народов!»

От резиденции премьера демонстранты, выкрикивая лозунги, двинулись к иракскому посольству. Это была манифестация молодежи в знак протеста против репрессий, которым подвергло иракское правительство прогрессивную часть студентов.

Когда находишься здесь, среди арабского народа, все эти разговоры о «вакууме» представляются просто нелепыми. Любой беспристрастный наблюдатель увидит здесь не «вакуум», а, наоборот, мощное давление пробудившегося национального достоинства арабских народов. Это давление уже вытеснило из страны англичан, оно преградит путь новым колонизаторам.

Амман, 16 января (по телеграфу).

Даллес Эйзенхауэру: — Смотри-ка, Айк! Кажется, до нас здесь кто-то побывал...

Карикатура художника Викки из английской газеты «Дейли миррор».

ТРУБА иерихонская

Борис ЕГОРОВ

Рисунки В. СОЛОВЬЕВА.

Эта история произошла в нашем поселке. Я знаю ее до самых пустячных подробностей. Да иного и быть не могло: ко всему случившемуся я имел отношение и просто как здешний житель и как активист комиссии по благоустройству. А кроме того, я теперь пенсионер, и у меня больше времени поинтересоваться, что в ближайшем окружении происходит.

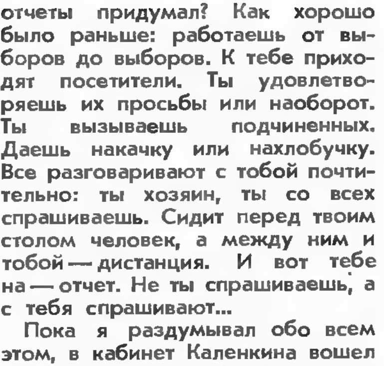
Живу я на Вишневой улице. У нас в поселке все улицы с цветочно-фруктовыми названиями: Сиреневая, Вишневая, Яблоневая, Грушевая, Жасминовая. Из них только Сиреневая оправдывает свое наименование. Мы успели озеленить ее, когда прежний председатель был. А потом перебросили его в область, стал во главе поселкового Совета Игнатий Семенович Каленкин, и все дело как-то замерзло. Мы напоминали ему, что надо поддержать хорошую инициативу, продолжить ее, что конфуз получается: не только приезжие, но и местные люди Яблоневую улицу от Жасминовой не могут отличить. Что же, мы на смех названия давали?

А он сказал:

— Не могут, говорите, отличить? Это нехорошо. Что ж, я распоряжусь, чтобы на углах таблички прибили.

Таблички действительно были прибиты, и все «озеленение» на этом кончилось.

Недавно иду я по своей Вишневой улице, а мне навстречу Каленкин. Голову опустил, на лице забота, о чем-то думает. Прошел мимо и не поздоровался. Совсем на Каленкина не похоже. Он всегда очень вежлив. Правда, вежливость у него не от воспитания идет — верьте мне на слово, я его с пеленок знаю,— а от служебного положения. Наш председатель очень любит популярность. Чтобы говорили о нем как о милом, хорошем человеке. А как завоевать ее, популярность? Можно, конечно, сделать это досрочным ремонтом крыш и водостоков. Но трудно. Дорого стоит: требуется много сил и хлопот. А сказать «здравствуйте» и при этом приподнять шляпу ровно ничего не стоит. Зато какие разговоры потом: «Наш председатель — демократ. Не какой-нибудь зазнайка. Шляпу снял, поклонился, по имени-отчеству назвал!» Каленкин краем уха услышит такие слова и довольным-предовольным становится. Я, мол, умею обращаться с народом, меня любят.

А тут вдруг прошел мимо — и ни здравствуйте, ни прощайте. Я человек не обидчивый. Значения этому не придал, но заинтересовался, чем же он так озабочен.

Ответ на свой вопрос я узнал, когда зашел в поселковый Совет протокол один перепечатать. Машинистка Лизочка — я с ней хорошо знаком, вместе с моей дочкой в одном классе училась — сказала мне шепотом:

— Каленкину предложили сделать отчет перед избирателями... как депутату... Вот и переживает. Готовится. Доклад пишет.

Дверь в председательский кабинет была приоткрыта, и я увидел самого Игнатия Семеновича. Грызет кончик карандаша и грустно так смотрит куда-то в сторону. Наверно, огорчается: кто эти отчеты придумал? Как хорошо было раньше: работаешь от выборов до выборов. К тебе приходят посетители. Ты удовлетворяешь их просьбы или наоборот. Ты вызываешь подчиненных. Даешь накачку или нахлобучку. Все разговаривают с тобой почтительно: ты хозяин, ты со всех спрашиваешь. Сидит перед твоим столом человек, а между ним и тобой — дистанция. И вот тебе на — отчет. Не ты спрашиваешь, а с тебя спрашивают...

Пока я раздумывал обо всем этом, в кабинет Каленкина вошел секретарь нашего Совета — товарищ Волобуев. Лизочка как раз закончила первую страничку моего протокола, начала менять бумагу, стала искать новую копирку. В комнате тихо, и я услышал разговор между председателем и секретарем.

— Худо дело, Волобуев. Много пустых мест в докладе. Как общая часть идет — ничего. Как факты требуются — пропуски делаю...

— А какие разделы больше всего страдают?

— Да вот с ремонтом мостовых плохо... Водопровод подзапустили... И по линии культобслуживания не знаю, что сказать.

— С ремонтом мы, конечно, не на высоте, Игнатий Семенович: с одной стороны, план не дотянули, с другой — перерасход допустили. А вот с водопроводом еще не поздно. Пусть слесаря по домам походят, поспрашивают, какие есть у населения жалобы. Все-таки оживление будет...

— Верно, Волобуев! А у меня есть мысль по культуре. Посмотри, кажется, на радиофикацию у нас деньги не израсходованы. Можно одно мероприятие провести — лишняя галка в отчете будет.

— А где мы, кстати, отчет проводить будем? В клубе?

— Ну что ты, Волобуев! Надо где помещение поменьше. Думаешь, много народу придет? Возьмем красный уголок общежития консервников — и все.

Лизочка снова начала печатать, и дальнейшего разговора я не слыхал. А на следующий день началось оживление по линии водопровода: к нам на квартиру пришел слесарь.

— Как у вас с кранами? — спрашивает. — Трубы не протекают? С потолка не каплет?

— Каплет, — говорю, — и довольно часто. А кран заедает что-то...

Слесарь покопался минут пять — десять. Поскоблил ржавчину на трубах, штукатурку в одном месте обрушил, грязь развел на кухне, вывинтил кран, забил вместо него деревяшку. Сказал: «За водой пока к соседям будете ходить». И ушел. Больше мы его не видели.

Но все это не беда. Самым страшным оказалась радиофикация.

Однажды утром проснулся я от страшного шума. Слышу какое-то мяуканье, мычанье, рычанье. Тру глаза — ничего не понимаю. И вдруг оглушительной силы голос диктора сообщает: «Вы прослушали передачу для школьников «Утро на скотном дворе». Вот те на, а я-то тут при чем?

Выглядываю из окна, а на столбе перед домом висит репродуктор — огромный, больше ведра. Где только достали такой!

Неприятностей он нам причинил массу. Орет, оглашенный, и ничего не поделаешь с ним. Мы его трубой иерихонской прозвали. За день так нанервничаешься из-за него, что всю ночь с боку на бок ворочаешься. А только солнышко поднимется, ровно в шесть: «Доброе утро, товарищи!»

Хорошенькое утро! Для кого утро, а кто еще и не засыпал. Ну, дальше известия читают, потом — музыка, за ней — районные объявления:

«В кинотеатре «Пламя» демонстрируется фильм «Серенада солнечной долины», в кинотеатре «Знамя» — «Уличная серенада», в кинотеатре «Племя» — «Сто серенад». На вечерних сеансах в кинотеатрах «Знамя» и «Пламя» играет эстрадный оркестр. В кинотеатре «Пламя» развернута большая выставка работ вышивальщиц, открыто кафе. В лектории Дома культуры состоится лекция «Как предотвратить заболевание нервной системы».

Я все эти объявления поневоле наизусть выучил: они каждый день почти одинаковы. Наслушаюсь их с утра, а потом целый день из головы выбить не могу. Хожу и бормочу: «Знамя, пламя, племя, время, бремя, вымя, семя, темя...» Просто заговариваться стал. Жена моя, Мария Ивановна, спрашивает, что, мол, с тобой. А я отвечаю:

— Так, размышляю про себя, как предотвратить заболевание нервной системы. Если не предотвратить сейчас, ох, запоешь потом серенады!..

За весь этот беспокойный период нашей жизни мы только один раз заснули рано, когда на радио что-то сломалось и труба иерихонская умолкла. Но, к несчастью, поломку на радиоузле быстро исправили, и в двенадцатом часу ночи репродуктор во все свое железное горло запел: «О Марианна, сладко спишь ты, Марианна! Мне жаль будить тебя...»

— Сладко спишь, Марь Иванна? — спрашиваю я жену, а она говорит:

— Брось издеваться. Днем, что ли, успел выспаться? Что-то у тебя настроение игривое.

А у меня и впрямь весь сон прошел.

— Маша, — спрашиваю, — ты умеешь переживать музыку?

— Раньше, — говорит, — не умела, а теперь, наверно, больше всех переживаю.

Утром я пошел к товарищу Каленкину жаловаться.

— Игнатий Семенович, — говорю ему, — за что же немилость такая?

А он отвечает:

— Ваш дом в самом центре поселка. Вот около него и повесили.

— Так зачем вообще труба эта нужна? Ведь радио во всех квартирах есть. Кто хочет когда, тот тогда и слушает...

— А деньги, которые по смете отпущены на радиофикацию поселка, куда мы денем? — спрашивает Каленкин.

Вечером стало тихо. Репродуктор перенесли на новое место, через несколько столбов от моего дома. Я, понятно, говорю жене, что, мол, ходил к Каленкину и вот результаты. А она улыбается загадочно и молчит. Только потом открыла свою тайну.

— То, что ты был у Каленкина, пользы никакой не дало. Это все я сделала. Знаешь, на Сиреневой живет старик Митрич, бывший монтер? Так я ему двадцатку дала — он и перевесил трубу на другой столб, около дома врача Петренко.

Через день я был свидетелем того, как Митрич снимал репродуктор со столба у дома Петренко. Жена врача подмигнула мне и сказала:

— У Митрича постоянный заработок появился.

Я понял, что без двадцатки дело тут тоже не обошлось.

Потом я видел, как Митрич шагал с репродуктором по Жасминовой. У нас стало совсем тихо.

Так и кочевала труба иерихонская по поселку, с улицы на улицу. А Митрич каждый день возвращался к себе на Сиреневую навеселе, негромко напевая: «Каким ты был, таким остался...» Ходил он с гордым видом благодетеля и в минуты особых откровений признавался, что очень нравится ему радиофикация.

Только однажды монтера в отставке постигла неудача. Повесил Митрич репродуктор на Грушевой, возле мостика через речку, и ждет. День, два, три — никто к нему не приходит, никто не жалуется. Не выдержал старик и отправился к тому дому сам. Встретила его старуха, старая-престарая.

— Ну, как радио? — спрашивает ее Митрич. — Претензий нет?

— Ну, что ты! — замахала руками старуха. — Только тихое оно очень... Когда читают что-нибудь, я не слышу. А музыку — ту слышу. Прямо настроение создает.

Митрич не был обрадован таким заявлением. И старуху музыкой он баловать вовсе не хотел. Пришел, когда стемнело, забрался на столб и снял репродуктор.

...На собрание, где отчитывался Каленкин, народу собралось очень много. Мест в красном уголке консервников не хватило, и люди стояли в проходе, в дверях — приглашенные и неприглашенные. Всем интересно, каким поселок будет, что делать собираются. Я на собрание опоздал — в городе был — и в красный уголок попасть не мог, стоял на улице.

— Как идет? — спрашиваю знакомых.

— Хорошо, — отвечают. — Каленкин доклад сделал. Сейчас его вопросами атакуют.

А народ все подходит. Кто-то выразил неудовольствие, что, мол, помещение для собрания очень маленькое выбрали. А ему отвечают:

— Это не беда. Вон Митрич идет. Давайте попросим его, пусть трубу принесет. Тут ведь из уголка проводка есть для танцев на свежем воздухе. Будем на улице слушать.

Митрич не ломался: все-таки народ просит, — и через некоторое время мы слушали, что в зале происходит. Труба здесь как раз пригодилась.

— А почему мостовые медленно ремонтируются? — спрашивают Каленкина. — На Яблоневой грузовик завяз — целые сутки вытаскивали. Есть и другие факты.

Каленкин молчит. Только слышно в трубу его трудное дыхание. А в это время раздается голос Волобуева. Он председательствующий на собрании и, видимо, на выручку Каленкину пошел:

— Хвакты есть, а хвондов нету...

— Дело не в фондах. Вы общественность организуйте, субботник устройте. Мы и без денег порядок наведем. На массы опираться надо. И для дела работать, а не для галочек в бумагах...

В общем, отчет депутата очень активно прошел. И слушали его благодаря трубе все, кто хотел. Сейчас уже и польза от этого собрания сказываться начинает. Правда, председатель у нас теперь новый — хороший, деловой человек. А когда спрашивают, где же Каленкин, люди улыбаются и говорят:

— Каленкин-то? Он в трубу вылетел.

Рис. Е. Горохова.

Без пяти минут семь в квартире раздался невероятный шум, способный поднять даже мертвых. Но так как я, к счастью, еще не принадлежу к последним и обладаю посему способностью критически оценивать происходящее, то подняться не поспешил, а лишь слегка разомкнул веки.

— Алешенька, Алешенька! Вот хорошо, что ты не спишь. Понимаешь, какое дело...

— Какое? — сонным голосом переспросил я и, снова закрыв глаза, повернулся на бок.

— Боже мой, он сейчас опять уснет! Тебе столько спать после обеда вредно... Совсем забыла! — волновалась жена.— В семь часов собрание, а уже... Да не засыпай ты! Понимаешь, родительское собрание.

Страстное желание остаться в горизонтальном положении боролось во мне со стремлением откликнуться на призыв супруги.

— Пока я соберусь,— горячо продолжала жена,— пройдет два часа. А ты, как мужчина, сумеешь — раз, два... Ну не прячь же голову под подушку! Выпей стакан холодной воды, и сон сразу пройдет.

В половине восьмого, сгорая со стыда за опоздание, я подходил к школе. Еще несколько секунд, и я переступлю порог класса, встреченный укоризненными взглядами. «Поделом тебе, будь точным и дисциплинированным»,— мысленно выругал я себя и, приоткрыв дверь, встретился со взглядом учительницы. Но что это был за взгляд! Он светился, искрился, полный тепла и ласки.

— Здравствуйте, Алеша, то есть Алексей Степанович. Вы сегодня первая ласточка,— радостно сказала учительница, еще в свое время воспитывавшая меня.— Усаживайтесь. Какой вы стали большой!

— Да, немножко подрос, Клавдия Федоровна,— ответил я, с трудом протискивая свое грузное тело в узкий просвет школьной парты.

— А ваш Сережа весь в папу,— улыбнувшись, сказала учительница, поглядывая на огромное чернильное пятно, распластавшееся на полу.— Его работа. Только учится, кажется, лучше.

— Да и я, насколько припоминаю, учился уже не так плохо...

— Плохо припоминаете, Алешенька. Вы не обижайтесь, ведь я намного старше вас, а вот отлично помню, как двойки вам за чистописание ставила: сплошные кляксы.

Считая опасным забираться в столь густые дебри детства, когда, увы, не только чистописание доставляло мне неприятные минуты, я деловито посмотрел на часы. Было уже 7 часов 45 минут. В этот момент дверь распахнулась, и вошла блондинка лет тридцати.

— А-а! Софья Андреевна,— сказала учительница, протягивая руку.— Садитесь, вы сегодня на собрание второй пришли.

И, оставив меня заниматься собственными мыслями, Клавдия Федоровна переключилась на беседу со вновь пришедшей.

Без двух минут восемь вошел огромный мужчина, в котором я узнал главного инженера соседнего предприятия. (Он слыл в нашем городе чрезвычайно точным и аккуратным человеком.)

— Кажется, я немного опоз...

— На 58 минут,— дал я точную справку.

— Мы ведь знаем, как вы заняты, Гавриил Мефодьевич,— мягко сказала учительница.— Как ваше здоровье?

— Спасибо, не жалуюсь,— басом ответил великан.— А как дела у моей Валюшки?

— Начинает сдавать, Гавриил Мефодьевич!

Почему и в чем она начала сдавать, я не расслышал, так как часы пробили восемь, и в класс вошли еще трое родителей.

За ними с небольшими интервалами во времени потянулись остальные. Одни смущенно занимали свои места, другие как ни в чем не бывало шумно рассаживались. Наконец, с опозданием на полтора часа, родительское собрание было открыто.

Меня по предложению учительницы избрали председателем собрания. Я это расценил как заслуженную дань моей высокой дисциплинированности, организованности, подтянутости, сознательности (больше эпитетов я подобрать не смог). Все-таки я пришел первым, опоздав всего-навсего на каких-нибудь полчаса.

Этой же ночью мне приснился тот же школьный класс, но уже в учебное время. Прозвучал звонок, а в классе — одна учительница Клавдия Федоровна. Прошло полчаса, открывается дверь, и первым входит мой Сережа. Через 20 минут после него — сынок блондинки Софьи Андреевны, спустя 58 минут после начала занятий явилась дочь главного инженера Гавриила Мефодьевича. За ней с незначительными интервалами во времени потянулись остальные дети. Одни, смущенные опозданием, молчаливо занимали свои места, другие как ни в чем не бывало весело и шумно рассаживались.

Я сжимал кулаки, до глубины души возмущенный юными нарушителями дисциплины. Все во мне кипело. И лишь когда проснулся, успокоился. Ура! То был только сон.

...А что, если б это было наяву? Даже страшно подумать! Сколько было бы справедливых назиданий, наказаний, волнений!

Хорошо, что мы не дети!..

В. ПОДОЛЬСКИЙ

Николаев, УССР.

ПТИЦА НА СНЕГУ

Фэн Сюэ-фэн

Жила-была одна птица. Гуляла она однажды по снегу. Ходит она по снегу, оставляет следы и приговаривает:

— Какое замечательное сочинение у меня получается, ах, как хорошо получается!

Только ее собственный хвост не хуже метлы тут же бесследно сметает ее замечательное сочинение. Так и получилось: она же пишет, она же восторгается написанным, она же сама стирает свое сочинение дочиста, да так, что никто не прочтет!

Ханчжоу.

Перевод с китайского Ю Фэй Бострем.

ПЛОТИНА ЗАГЭСА Цветной офорт.

ОФОРТЫ И. И. НИВИНСКОГО

В Москве готовится выставка работ Игнатия Игнатьевича Нивинского (1881—1934) — художника с широким диапазоном, офортиста, талантливого мастера театра и монументальной живописи, иллюстратора, архитектора и блестящего педагога. Он создал монументальные офорты: «Плотина Загэса», «Азнефть» и многие другие. Художник — автор декораций и костюмов к «Принцессе Турандот», к «Севильскому цирюльнику» и ряду других постановок московских театров. Почти все работы Нивинского находятся в музеях Советского Союза.

Живым памятником И. И. Нивинскому служит офортная студия, созданная им и после его смерти переданная Союзу советских художников.

Т. ЗОТОВА

МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ

Офорт акватинта.

Цена номера 1 руб.